

ЧАСТНАЯ ВОЕННАЯ КОМПАНИЯ

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПОД ПРИЗРАЧНЫМ
ПРИКРЫТИЕМ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Под призрачным прикрытием

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Под призрачным прикрытием / С. В. Самаров — «Автор»,
2015 — (Спецназ ГРУ)

Бойцам частной военной компании «Волкодав» поставлена задача: ликвидировать элитное украинское спецподразделение «Тень», боевики которого совершили несколько успешных диверсий на территории России. Чтобы выяснить местонахождение базы «теней», в их ряды под видом беглого рецидивиста внедряют одного из «волкодавов» – лейтенанта Иващенко. В это же время из изолятора ФСБ совершает побег один из украинских диверсантов, которого некоторое время назад захватили «волкодавы», в том числе Иващенко. Лейтенант, который уже успел внедриться в ряды «теней», оказывается под угрозой разоблачения. Сбежавший украинский диверсант, естественно, опознает в нем одного из бойцов подразделения «Волкодав»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Самаров

Под призрачным прикрытием

© Самаров С., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

– Я, пожалуй, детей с собой возьму. Пусть в машине будут. Дети в цивилизованной стране – всегда лучшая защита, чем полицейские. А мы не в Киеве...

– Врешь, дурило... – Сашко пошевелил наушники, словно они скрывали от него какие-то звуки, но это, скорее, был просто некий нервный жест, чем следствие необходимости. – Этим нас не возьмешь, не купишь... Мы не из слабонервных! Если тебя полиция защищать не желает, то уж дети-то тем более не защитят. Ты не в Киеве, зато настоящие украинцы здесь.

Он отвечал тому, чей разговор с женой группа прослушивала. Собеседник, естественно, слышать не мог, поскольку микроавтобус стоял за двести метров от дома.

И опять Сашко наушники пошевелил и даже слегка прижал их к ушам ладонями, словно бы от мешающих ему посторонних звуков избавляясь.

– Ну нет уж. Ты детей в эти дела не ввязывай. Этих зверей детскими лицами не остановишь. У них на руках столько детской крови... – возмутилась женщина. – Дети со мной останутся.

– Ты думаешь, здесь они в большей безопасности?

– Здесь, по крайней мере, люди кругом. И полицейский участок через дорогу.

– Она наивная. – Сашко ухмыльнулся, и снял наушники. – Я бы зашел к ней в гости, и никакая полиция мне не помешала бы. Только времени на нее нет.

– А я бы не пошел, – категорично сказал Гриня.

– Почему это? – не понял Сашко. – А я бы приказал...

– Задница у нее слишком костлявая, – поморщился Гриня. – Мне нравятся бабы, чтобы задница была хотя бы шире шифоньера.

Теперь поморщился Сашко и снова надел наушники.

По большому счету, в наушниках вообще необходимости не было. В салоне микроавтобуса стояли хорошие динамики, которые доносили все звуки без искажения сидящим рядом людям. Но Сашко сам себе в наушниках нравился. Он даже час назад фотографировался в них, делая модное нынче селфи¹. Понравился внешний вид. И потому полюбил наушники надевать даже без необходимости. Сашко вообще любил выглядеть внешне так, как ему самому нравилось. Не кому-то другому, а только самому. Например, ему не нравилось добродушное выражение собственного лица, хотя это лицо было природным. Но это добродушное выражение не отвечало его собственному представлению о себе, и Сашко постоянно хмурился, старался бровями нависать над глазами. И еще усы делали его лицо тоже добродушным. Усы у него когда-то были знатные, до груди свисали, как у старого казака. Но чтобы лицо выглядело жестче и чтобы подчеркнуть тонкогубый жесткий рот, Сашко и усы сбрил. Не стал такой красотой жадничать. Ему хотелось быть грозным и серьезным. И именно такое впечатление производить на людей. Он, по сути дела, таким и был по характеру. И разница между внешним видом и внутренним содержанием часто вводила людей в заблуждение.

– Ну что, я поехал? – спросил мужчина там, в комнате.

– Давай. Быстрее возвращайся. Портфель возьми...

– Зачем он мне?

– В руках, что ли, понесешь?

– А что там нести... Не надорвусь. Один конверт. И двух пальцев хватит...

¹ Селфи – разновидность автопортрета, фотографирование самого себя, чаще всего с помощью камеры в трубке мобильного телефона или смартфона.

* * *

Сашко снял наушники, переглянулся с Гринеи, вытащил трубку и набрал номер.

– Юрий Авенисович, он выезжает в банк...

– Понял. Как назад поедет, тогда и активируйте.

– Жена ему подсказала, чтобы портфель взял, а он говорит, что портфель ему не нужен.

Он заберет только один конверт.

– Не знаю. Может, и конверт какой-то заберет. Там, помнится, лежало несколько конвертов. Мы их внимательно не посмотрели. Доверенности какие-то. А ту коробку он просто в карман сунет. Коробка небольшая.

– А деньги он что, брать не будет? – этот вопрос Сашко, кажется, сильно интересовал.

– Не знаю. Там денег не много. Около тысячи евро было. А камушки были в коробке. Камушков на полтора миллиона евро. На них, думаю, уже закупили амуницию для армии. Он коробку открыть не сможет. Код не знает. Не проверит, что там. Как поедет, сразу и активируйте...

Сашко поскущел лицом. Группа рассчитывала, что из банковской ячейки будут изъяты деньги. Большие деньги. Часть из них, конечно, планировалось сдать. А остальные можно было бы применить на благое дело – на обеспечение группы. Не такое высокое у бойцов «Тени» жалование, чтобы на него можно было хорошо прожить самому и семью содержать. И суммы, принадлежащие бывшим членам клана бывшего президента, казались «теням» естественным вознаграждением за трудную работу. А тут, оказывается, все совсем не так.

Первоначально было, конечно, оговорено именно то, что человек заберет из банковской ячейки в этом баварском банке коробочку, в которой раньше хранились бриллианты, а теперь установлено средней силы взрывное устройство. Сашко со своими людьми рассчитывал сначала забрать деньги, а потом, с помощью пульта дистанционного управления, активировать и взрывное устройство. Но от известия, что денег может и не быть, настроение испортилось. Да и не стоило ради тысячи евро рисковать и, возможно, подставлять себя под пулю.

Тем не менее работу требовалось выполнить.

Следовать по дороге за «Мерседесом» с этим парнем за рулем смысла не было. Необходимо было занять позицию прямо на улице недалеко от банка.

– Едем. К банку! – сказал Сашко во внутреннее переговорное устройство...

* * *

Белый и прекрасный, как произведение высокого классического искусства, «Мерседес» S-класса плавно подъехал к зданию банка. Как правило, на таких солидных машинах кого-то возит водитель, а справа от водителя сидит охранник. Охранник обычно первым покидает машину и торопливо открывает дверцу заднего сиденья, чтобы выпустить оттуда пассажира, который, как правило, и является владельцем премиального автомобиля. Изредка случается, что сам владелец автомобиля и сидит за рулем. Но это чаще всего не какие-то серьезные люди из бизнес-элиты, а спортсмены, или жены спортсменов, или относительно популярные актеры, то есть временщики, которые сегодня есть, а завтра их уже никто не знает и не помнит. Швейцар, стоящий у автоматических стеклянных дверей банка, традиционно своей работой гордился и уважал только людей солидных и стабильных. Он их даже внешне отличал от тех, кто сел за руль по велению моды на свои ограниченные временные возможности. Но человек, который подъехал к банку в этот раз, заставил швейцара задуматься. На важного солидного человека он еще не тянул по возрасту, да и сам за рулем сидел. Но и внешней рисовой развязности, свойственной спортсменам и актерам, в человеке не наблюдалось. Случалось

множественно, что солидные люди и сами приезжали за рулем. Возможно, этот был молодым, но солидным. Или наследником солидного состояния. На всякий случай швейцар шагнул вперед и протянул руку. Человек сразу привычным жестом положил в нее ключи от машины. Значит, машину следует отогнать на расположенную рядом парковку, чем швейцар сразу и занялся, так и не сумев определить, что представляет собой этот клиент банка. Впрочем, швейцару было положено относиться к клиентам всегда одинаково и встречать всех с неизменной почтительностью, отвечать, если возникнут вопросы. Здесь вопросов не возникло. Человек сразу прошел в банк. Кажется, торопился.

Обычно большинство клиентов сами ставят машину на парковку. Если клиент из важных, то машину ставит его водитель. А охранник клиента, сопроводив своего подопечного до дверей банка, возвращается к машине и ждет там, чтобы потом вместе с водителем подъехать и открыть перед хозяином дверь машины. Охранники обычно бывают при оружии, и таких внутрь банка предпочитают не пускать. Машины на площадке у дверей не часто, но ставят те из важных клиентов, которые приезжают сами. Потом тот же швейцар им машину и подгоняет, едва клиент покидает банк.

Поставив машину на парковку, швейцар вернулся к дверям, где его место временно занимал местный охранник в черной униформе. Обычно, если подъезжает сразу несколько клиентов, охранники помогают швейцару ставить машины на парковки. Но один в любом случае остается у дверей. Так полагается. Этот, последний клиент, задержался минут на двадцать. И вышел, счастливо улыбаясь солнцу в небе и швейцару. Тот торопливо поспешил на стоянку, подогнал «Мерседес» к выходу. Клиент сел и поехал. Чем этот человек привлек внимание швейцара, сказать было трудно. Но швейцар проводил взглядом его машину до ближайшего поворота и почему-то отметил, как за «Мерседесом», выдерживая дистанцию, поехал микроавтобус «Фольксваген» с тонированными стеклами салона. И было заметно, что водитель и сидящий на переднем пассажирском сиденье человек напряженно смотрят вслед именно «Мерседесу». Улица была не загружена автомобильным движением. И здесь легко было рассмотреть любую машину. Но дальше рассматривать микроавтобус швейцар не стал, потому что где-то внутри банка раздался глухой грохот взрыва. Крыльцо под ногами швейцара вздрогнуло, и он вслед за охранниками заспешил внутрь...

* * *

– Юрий Авенисович... Это Сашко...

Несколько секунд длилось молчание, потом женский голос сказал:

– Сейчас, передаю ему трубку.

– Юрий Авенисович... Это Сашко...

– Слушаю тебя. Как прошло?

– Никак.

– То есть? – В голосе Юрия Авенисовича прозвучали грозные отголоски, хотя грозы еще не было. Но и эти отголоски, казалось, по ушам били.

– Он вышел из банка. В руке держал конверт. Из кармана, мне показалось, что-то торчало. Наверное, та самая коробочка. Отъехал, свернул за угол. Я кнопку нажал, а взрыва не было. Мы до угла доехали, посмотрели. Он по прямой как ехал, так и продолжал ехать. Скорость для немецких городов запредельная. Как на самолете. Мы бы все равно не угнались. Потому и гнать не стали. Но коробочка не взорвалась. Что-то взрывники напортачили, похоже...

– Не может быть! Ты на пульте аккумулятор проверял?

На пульте дистанционного управления взрывателем стоял аккумулятор от простых наручных электронных часов. Сашко накануне снял старый аккумулятор и купил в часовом

магазине новый. Но заряд нового аккумулятора он проверять не стал, полагаясь на немецкую аккуратность. Не могли же немцы продавать разряженный аккумулятор. Бавария – это не Украина, где под видом аккумулятора могут продать все что угодно, хоть таблетку пургена. Но проверить заряд аккумулятора он был обязан. И потому Сашко сказал убежденно:

– Обязательно. Полный заряд. Как в магазине покупал, потребовал проверку. Мне продавец проверил и показал. Полный заряд...

– Подожди-ка... Что-то по телевизору говорят про взрыв в банке. Сейчас, я погромче сделаю. Не отключайся.

Сашко услышал, что Юрий Авенисович добавил громкость звука в телевизоре. Там что-то говорил диктор. Но Сашко слишком плохо владел немецким языком, чтобы по обрывкам слов, которые он мог уловить, понять, о чем сообщение.

– Сашко... – Юрий Авенисович взял трубку. – У нас с тобой холостой выстрел... Он не взял из банка коробочку с предполагаемыми бриллиантами. Взял только какой-то пакет. Ты разнес в клочья бронированное хранилище банка. Все ячейки разворотил. Теперь, твоими стараниями, у банка большие проблемы. Но подозрение пало на человека, что в этот момент выносил из хранилища содержимое своей ячейки... Полиция уже в банке. Работает. А нам пора сматываться.

– А как же этот парень на «мерине»?

– Поезжайте сейчас к нему. Все подчистить. Свидетелей не оставлять. Постарайся найти конверт, что он взял из банка. Я срочно улетаю в Киев. Как закончишь, попробуй дозвониться мне. В крайнем случае оставь сообщение на автоответчике. Мне передадут. И сразу по завершении летите в Киев. Может, если поторопишься, на один самолет попадем.

– Понял. Работаем...

* * *

В следующий раз Сашко позвонил через двадцать шесть минут. Но Юрия Авенисовича уже не было на месте. Только автоответчик попросил оставить сообщение.

– Юрий Авенисович. Это Сашко. Мы приехали на квартиру. Здесь никого. Соседка сказала, что женщина с детьми села в такси и уехала. Муж ее дома не показывался. Говорит, не похоже было, чтобы они куда-то далеко собрались. Вещей с собой не было. Только у девочки был в руках большой игрушечный медведь. Мы в квартиру вошли, все разбросано. Явно спешно убирались отсюда. Ждать неприятностей мы тоже не будем. Уезжаем...

* * *

Полковник Клоссер из восточноевропейского управления BND² сам приехал в полицейское управление, когда ему доложили о получении пер-вых результатов в расследовании взрыва в бронированном подвале банка. При взрыве пострадали три человека. Клиент банка, который воспользовался своей банковской ячейкой, присутствующий при этом клерк банка и банковский охранник, который стоял за внутренней, деревянной дверью хранилища. Охранник остался в живых, хотя и получил перелом позвоночника и тяжелую черепно-мозговую травму в области затылка. Первоначально предполагалось, что взрыв произошел по вине клиента, который открыл свою банковскую ячейку. Что он там хранил, было неизвестно никому, так что это вполне могло быть и взрывное устройство, заряд которого по неизвестной причине сдетонировал. Этот клиент был восточной внешности, похож на араба, и потому вызвал

² BND – основная служба безопасности Германии.

законное подозрение. Но врачи быстро отвергли эту версию. Клиент банка и клерк получили несовместимые с жизнью ранения в спину, тогда как банковская ячейка, представляющая собой закрытый металлический ящик, была в это время в руках клиента. Она так и не пострадала от взрыва, прикрытая телом погибшего. Ячейка была все же вскрыта сотрудниками полиции в присутствии жены погибшего клиента, как оказалось, жителя Ливана. В ящике оказались деньги, драгоценности, два золотых слитка и письма на английском языке от бывшей жены погибшего. Письма были старыми, последнее датировалось пятилетним числом давности. Но погибший хранил их в банке, как дорогую ему вещь. Видимо, подальше от глаз нынешней жены. Сентиментальный старик, не более. Такой в террористы не годится. Трудно что-то на него списать. А в какой конкретно ячейке про-изошел взрыв, должны были сказать эксперты. Сам металлический шкаф-стена, сущность которого ячейки и составляли, был полностью разворочен и развален. Взрывчатое вещество было, видимо, очень сильное.

– Думаю, что октоген, – предположил полицейский эксперт. – Хотя, может быть, что-то и посильнее. Экспертиза покажет.

– А бывает что-то сильнее? – спросил полковник, не специалист по взрывчатым веществам.

– Бывает. И намного. Каждый практически год появляется что-то новое. И все более сильное. Индия, Китай, Индонезия, Малайзия активно разрабатывают. Денег не жалеют. Артиллерийский снаряд с современным взрывчатым веществом наносит столько же разрушений, сколько наносил получасовой обстрел артиллерийской батареи периода Первой мировой войны.

После этого разговора полковник из банка уехал, но уже в машине его застал звонок из полицейского участка. Полиция провела биллинг³ разговоров по сотовой связи. Обычное дело. Биллинг стоит немало, и потому его проводят только при серьезных преступлениях. Но результат он дает довольно часто. Особенно когда есть подозреваемые. Требовалось теперь проверить все номера, с которых звонили из района, где произошел взрыв: кому принадлежат, насколько эти люди могут представлять опасность. Полковник приказал водителю ехать сразу в полицейский участок, чтобы разобраться на месте.

В полицейском участке Клоссер сел за чей-то рабочий стол, нацепил на длинный грубый нос очки и внимательно просмотрел двухстраничный список. В левой колонке стояли номера, с которых звонили из района, в правой – номера абонентов, которые принимали звонки. Для освежения своей памяти, не будучи полностью в ней уверен, полковник вытащил трубку и проверил один номер. После чего пальцем поманил полицейского инспектора.

– Слушаю, герр полковник.

Инспектор был не молод, скоро, вероятно, собирался на пенсию и предпочитал, как показалось Клоссеру, ни с кем не конфликтовать.

– Вот эту строчку – оба абонента! – необходимо убрать. Повторяю – оба абонента. Вы сами сможете решить этот вопрос? Или мне стоит обратиться к начальнику полиции? Кстати, я имею полномочия обращаться даже к министру внутренних дел.

– Я просто удалю строчку из компьютера, герр полковник... Можете не волноваться. Что за люди, если разрешено мне узнать?

– Наши союзники... – обтекаемо ответил полковник Клоссер. – Младшие партнеры в большой многовектовой игре...

³ Биллинг – анализ сотовых соединений в том месте и в то время, когда было совершено преступление.

Часть первая «Тень», которую редко видно

Глава первая

– В баню хочется! – требовательно сказал старший лейтенант Иващенко. – Невыносимо хоцца! В настоящую, в деревенскую. Не в какую-нибудь московскую сауну с массажистками. И уши чтобы от пара в трубочку заворачивались. И чтобы веники были дубовые! На худой конец, и березовые пойдут. Но дубовые лучше. На них лист дольше держится, и дух в парилке другой...

Он не констатировал факт своего желания. Он, судя по тону, действительно требовал.

Полковник Селиверстов, среагировав на тон, обернулся от окна, в которое смотрел, вопросительно поднял брови и задумчиво переспросил:

– В баню?

– В баню... – так же требовательно подтвердил Иващенко свое желание.

– У меня дачный домик в деревне. Простой деревенский домик. Тесный. Жена купила. И не так далеко. И с огородом, и с банькой. Маленькая, правда, банька, теснее, чем дом. Но можно по три человека поочередно запускать... Если есть желание, вечером съездим. Протопить ее не долго, я только сторожу позвоню. У нас там сторож один на все дачи. В деревне один старик живет, все остальные – дачники. Если свободен, он протопит. И дом протопит, чтобы после бани было где чай попить, и баньку. Лимоны мы по дороге купим. Дрова заготовлены. Три часа на протопку хватит. Как раз и мы подъедем. А вообще, я думаю, может, нам стоит сруб купить и здесь, на базе, баньку соорудить?

– Это естественная необходимость, товарищ полковник, – загорелся Иващенко идеей. – Я сам готов топором помахать. Когда-то у меня, чес слово, получалось. Пусть только бревна привезут. Сруб я сделаю. И помощники, думаю, найдутся. У нас парни все рукастые...

– Я подумаю... Проблема только в том, чтобы баньку, если построим, на баланс не ставить и начальству про нее не докладывать. А то все командование будет у нас постоянно ошиваться. Командование тоже попариться любит. С водочкой... А у нас здесь «сухой закон». И вообще, когда командование далеко, всем спокойнее. Сами, наверное, знаете, когда меня на базе нет... Ладно. Я подумаю...

Селиверстов отвернулся и опять стал в окно смотреть. Наверное, так, у окна, ему лучше думалось...

* * *

Подмосковная база частной военной компании «Волкодав» понемногу оживлялась и становилась многолюдной. Когда боевая группа старшего лейтенанта Лесниченко уезжала в первую командировку, здесь базировался только взвод охраны под командованием старшего лейтенанта Триглавова. Сейчас в том же первом корпусе, где охрана обосновалась, и связисты уже устроились, и какие-то люди в синих рабочих халатах. Как объяснил Селиверстов, один этаж в том корпусе занимали две лаборатории. Вскоре должна была сформироваться вторая боевая группа «волкодавов». Их разместят рядом с первой, на втором этаже второго корпуса. Место есть. Не за горами было и формирование третьей. А первый этаж второго корпуса, как и прежде, отдавался под учебные классы и залы для тренировок. С приездом «волкодавов» с базы

уехали военные строители, занятые на сооружении собственного полигона со стрельбищем и еще кое-какими интересными участками.

– Георгий Игоревич, – просяще сказал Иващенко. Голос был такой, словно он привез на себе из командировки никак не меньше ведра злющих украинских блох. И виноват в этом был исключительно командир ЧВК, который не спешит баней озаботиться. – Мы отдых заслужили. Сейчас вроде бы как и свободны. Что бы сразу на вашу дачу не поехать? Какой смысл до вечера здесь сидеть? От местного душа я вообще пользы не вижу.

Иващенко демонстративно забросил руку за плечо и с хрустом почесал спину между лопатками. Пальцы его выглядели при этом более устрашающим инструментом, чем садовые грабли. Но на Селиверстова ни жест, ни звук не произвели впечатления. Полковник отрицательно мотнул коротко стриженной головой.

– Мы сейчас не просто сидим, не в ресторане, думается, время проводим, мы ждем человека из СВР⁴. Должен подъехать с интересными данными. Специально для вас. Потому сразу поехать возможности нет никакой.

– Следующее задание? – с пониманием спросил командир боевой группы «волкодавов» бывший старший лейтенант Лесничий.

– Возможно... – обтекаемо ответил полковник. – В настоящее время вопрос об использовании вашей группы против подразделения «Тень» стоит на обсуждении у командования. Хотя, я думаю, кроме вас, и запускать некого.

– «Тень»? – переспросил Иващенко. – Помнится, был такой спецназ внутренних войск Украины в Крыму. Кажется, они официально назывались ротой разведки внутренних войск.

– Было такое, – согласился Селиверстов. – Сейчас большинство бойцов той, старой «Тени», служат в российских внутренних войсках. В том же самом Крыму, кстати. Новое подразделение с этим же названием сформировано из самых отъявленных головорезов из состава участников боев в Новороссии. Из тех, по ком веревка давно уже плачет. Самые последние «отморозки». Не обученные толком, но с большими амбициями и с повышенной жестокостью. Обучают их, кстати, американские инструкторы. Но жестокости они сами американцев научат.

– Не знаю, чему американцы вообще могут научить... – спокойно и с пренебрежением сказал Лесничий. – Их самих учить надо. Чем мы и занимались совсем недавно.

– Чему-то, может быть, и научат, – вяло пожал мосластыми плечами Иващенко. – Эти же инструкторы, помнится, обучали грузинские командос перед «тремя восьмерками»⁵. Убегать их научили хорошо. Я сам там не был, но слышал рассказы...

– Ха-ха... – без смеха произнес Селиверстов. – Я вижу, вы сильно возомнили о себе после этой операции против «матрасников»⁶. В такой эйфории вас выпускать на следующую операцию просто рискованно. Это семьдесят процентов провала дела.

– Это, товарищ полковник, естественное временное явление, – сознался Лесничий. – Сами, наверное, через такое прошли. Удача всегда вдохновляет и толкает на новые подвиги. Главное, чтобы уверенность не переросла в стабильную самоуверенность. Мы самоуверенность изживем в себе через пару дней интенсивных занятий.

– Лучше бы ее вообще не было, – тихо сказал вроде бы самому себе полковник.

Иващенко улыбнулся так широко, как мог.

– Не переживайте, Георгий Игоревич. Про американский спецназ много легенд рассказывают. В основном, они сами и рассказывают, а потом Голливуд фильмы ставит. Отсюда во всем мире к спецназовцам-«матрасникам» уважение. Мы раньше с ними не сталкивались. Призна-

⁴ СВР – служба внешней разведки.

⁵ «Три восьмерки» – события восьмого августа две тысячи восьмого года в Южной Осетии.

⁶ «Матрасники» – на жаргоне российской армии так зовут американских военнослужащих. Прозвище связано с полосатым, как матрас, флагом США.

юсь, даже опасение было. Каково это – с суперменами тягаться... А тут – сразу целая ЧВК. А ЧВК – это лучшие из их спецназовцев. Но, кроме опасения, даже интерес был – как мы будем на их фоне смотреться. Всегда интересно на себя со стороны посмотреть. Оказалось, что «матрасники» ничем не лучше «укропов». Знаний и умения побольше, конечно. Оснащение на уровне. Но у тех еще и характер есть, и в драку лезут оголтело. А у «матрасников» характера и стимула не хватает. Мы убедились, что мы – несравненно сильнее. Разрешился вопрос, который каждого из нас много лет мучил. И разрешился в нашу пользу. Отсюда и эйфория. Но эйфория проходит быстро. Это я по себе хорошо знаю. Командир правильно говорит, начнутся занятия, сразу в форму войдем. И про «матрасников» забудем.

– Если так обстоят дела, готов вам каждый день баню на даче растапливать, – улыбнулся Селиверстов, тем не менее немедленно звонить не стал.

В принципе, он сам хорошо знал это состояние первых дней после успешного выполнения задания, которое считалось чрезвычайно сложным. И знал, что это состояние быстро проходит, особенно когда за постоянными трудоемкими занятиями и обсуждением новых задач, которые еще только предстоит решить, прошлое забывается. О нем просто некогда думать. И вместо эйфории остается только уверенность в своих силах. Жесткая уверенность, не позволяющая сомневаться в самый трудный момент, толкающая на дела, которые раньше казались вообще невыполнимыми...

* * *

Человек, которого вместе с «волкодавами» ждал полковник Селиверстов, оказался внешне классическим шпионом, что совсем и не удивительно, поскольку он и представлял самую шпионскую организацию страны. Правда, темные очки, дополняющие классическое сходство, он не носил. Одет был в гражданское, в возрасте немного за пятьдесят, про него невозможно было ничего сказать не только по его невыразительному лицу, ничего невозможно было сказать даже о том, какого он роста. Совершенно не запоминающаяся натура. Голос тихий, вкрадчивый и даже в чем-то скользкий, хитрый и, наверно, даже коварный. Это, скорее всего, была единственная характеристика, которая как-то запомнилась его недавним еще армейским коллегам, более открытым, как того требовала их боевая практика.

– Мы, Георгий Игоревич, будем вместе обсуждать наши вопросы? – демонстрируя легкое удивление, спросил пришедший полковника Селиверстова. Судя по всему, он не любил многолюдья, а трое для него – уже, видимо, считались многолюдьем.

– Это, Виктор Иванович, командир нашей боевой группы старший лейтенант запаса Лесничий и его заместитель старший лейтенант запаса Иващенко. Предполагаемые непосредственные исполнители нашей общей операции. Для них, в первую очередь, ваши данные и представляют интерес.

– Предполагаемые исполнители, но, насколько мне известно, пока не утвержденные... – все же стоял на своем пришедший.

– Утвердят. Я не сомневаюсь... Кроме как на ЧВК «Волкодав», не на кого возложить выполнение. А в ЧВК «Волкодав» пока есть единственная боевая группа в составе семи бойцов. К тому же группа уже прекрасно себя зарекомендовала, действуя против американских «диких гусей».

Виктор Иванович неожиданно не стал упираться. Может быть, он по характеру был покладистым, может, просто с логикой дружил и понимал, что задействовать в таком деле действующие силы спецназа было нереально. Это грозит международным скандалом.

– Так это они Соломона поймали? Молодцы! Я соглашусь, что больше нам рассчитывать не на кого. Значит, когда вопрос будет обсуждаться, я скажу свое слово за ваших «волкодавов».

То, что они уже будут в курсе дела, только добавит им несколько плюсов. Тогда – приступим... Здесь будем общаться? – Он осмотрелся.

– Это и мой кабинет, пока другой еще ремонтируют, и спальная комната, – сказал Селиверстов. – Здесь... Присаживайтесь, где вам будет удобно, товарищ генерал.

Что пришедший «скользкий» человек носит генеральское звание, Селиверстов своих «волкодавов» не предупреждал заранее. Но сейчас, кажется, умышленно назвал звание, потому что видел слегка глумливую физиономию Иващенко и подозревал, что у того с языка может сорваться что-то такое, что может гостю не понравиться. Была у Виктора Юрьевича привычка выразиться не стандартными армейскими категориями.

Удобно Виктору Ивановичу, должно быть, показалось за письменным столом. И сел он сразу на место Георгия Игоревича. Полковник не пересадил гостя, взяв себе стул и пристроившись с торца стола. Лесничий с Иващенко уселись напротив Виктора Ивановича.

– Данные из ФСБ вам уже предоставили?

– Обещали сегодня. На компакт-диске. Но пока еще ничего не привезли.

– И ладно. Не к спеху. Это все только так, для общей информации о методологии работы «Теней». Может быть, сумеете найти какой-то общий алгоритм. Но еще привезут. Успеете изучить. По большому счету, это вас касается мало. ФСБ имеет свой собственный спецназ, и на территории России этот спецназ со своей задачей, думаю, справится неплохо. И обеспечит безопасность тех людей, которых должен от неприятностей охранить. У нас с вами задача совсем иная. Потому мы будем другие документы изучать, – Виктор Иванович хлопнул ладонью по тонкой картонной папке, жестом объясняя, что принесенные им документы содержатся там.

Сергей Ильич Лесничий уже раньше слышал, что в Службе внешней разведки предпочитают пользоваться бумажными вариантами важных документов, если нет насущной необходимости в цифровых носителях. Эта добрая традиция пришла с середины восьмидесятых годов прошлого века. Тогда какой-то испанский хакер решил пошутить. В результате выкрал с сервера ПГУ⁷ СССР данные об агентуре в США и разместил их на сервере ФБР США, а потом точно такие же данные об агентуре в СССР выкрал с сервера ЦРУ и разместил их на сервере КГБ. Две мощные, не склонные к шутливости организации взялись за поиски хакера, но его укрыл Интерпол, предоставив работу в своей штаб-квартире в Лионе. Что дальше стало с хакером – неизвестно.

– Я далек от мысли пугать вас силой украинского подразделения «Тень», – начал генерал. – Некоторые наши специалисты говорят, что от прежней, крымской «Тени» осталась только настоящая тень в образе новой. Но каждое подразделение когда-то создавалось и только со временем нарабатывало себе рабочий стиль, репутацию и послужной список. Все с чего-то начинается. Главное в том, насколько скоро все приобретает черты настоящего и боеспособного подразделения. А вот здесь у меня есть один интересный момент, который я хочу вам преподнести. Мы все предполагали, что обучение в «Тени» будут вести американские и польские инструкторы из группировки войск НАТО.

– А разве не так, товарищ генерал? – спросил Селиверстов.

– Так-то все так. Американские инструкторы уже проводят подготовку. Даже не подготовку, а ведут полноценные занятия и готовят группы к конкретным операциям. Сами операции разрабатывают. Мы, у себя в России, уже пресекли три такие операции. Не СВР, а ФСБ, конечно, поскольку СВР на своей территории не работает и вообще не имеет следственных полномочий, тем не менее пресекли. Не допустили, не дали «теням» возможности действовать

⁷ ПГУ СССР – Первое Главное управление КГБ СССР, тогда еще входящее в структуру КГБ. В ноябре 1991 года выведено из состава КГБ в отдельное подразделение – Центральная служба разведки. Но уже в декабре того же года переименовано в Службу внешней разведки СССР. После развала СССР стало называться Службой внешней разведки России.

на нашей территории как дома, хотя это достаточно сложно. Почти каждый из украинских граждан имеет если не родственные, то товарищеские или даже дружеские отношения с кем-то из россиян. И это создает для ФСБ определенные трудности. Но вот в европейских странах ситуация совсем другая. Там, с подачи американской стороны, «тени» работают при поддержке местных спецслужб и часто работают успешно. Они провели три удачные операции, и только одна провалилась, но не по их вине. Они прокола не допустили. Просто человек, который, как они предполагали, возьмет из банковской ячейки коробочку с бриллиантами, ее не взял, а забрал оттуда только доверенность на получение очень дорогих акций в одном из российских банков. А в коробочке, где раньше лежали бриллианты, было установлено мощное взрывное устройство, предположительно с использованием в качестве заряда довольно экзотического вещества CL-20, знаете про такое?

– В пятнадцать раз мощнее октогена, – сказал Иващенко. – Мы сами с таким работали. Наш сапер. Знаем его мощност. Воочию видели, как после взрыва дороги тяжелые армейские «Хамви» над полем, как бабочки, порхали.

– А октоген в один и семь десятых раза мощнее гексогена, – добавил Лесничий.

– А RDX, иначе говоря, гексоген, – показал свое знание взрывного дела и полковник, – в полтора раза мощнее тротила.

– Короче говоря, – завершил генерал, – в банке разнесло бронированное хранилище, убило клиента и служащего банка и ранило охранника. После этого немецкие спецслужбы согласились прикрывать «теней» только в том случае, если они будут работать не под американской, а исключительно под немецкой «крышей» и будут согласовывать все свои действия с BND. По сути дела, это и не провал, хотя, фактически, провал есть. Не тот провал, когда людей арестовывают, тем не менее задача была не выполнена. Человек с доверенностью сумел уйти от преследователей и доставить конверт кому следовало. Но вина в этом лежит на организаторах из Службы безопасности Украины, а не на «тенях». Они только активировали в нужный момент взрывное устройство, и все. И не предполагали, где произойдет взрыв. Исходя из всего сказанного, я могу отметить неплохую подготовку «теней». Хотя я один из тех, кто скептически относился и относится к способностям американских и польских инструкторов. Однако там, насколько я понимаю, все сводится к общему руководству. Что невозможно вообще обойти стороной, не заметив...

– Общее руководство? – переспросил полковник Селиверстов. – Вы, Виктор Иванович, имеете в виду управление оперативного планирования МВД Украины? Насколько я знаю, спецотряд «Тень» подчиняется именно этому управлению.

– Нет. Я не беру так высоко, – это руководство бестолковое, и от него трудно ждать чего-то путного. Я хочу спросить, кто из вас знает подполковника Шиловостова?

– Юрия Юльевича? – переспросил Лесничий.

– Да. Его самого.

– Только слегка знаю. Он в нашей бригаде батальоном командовал. Лучший батальон бригады был, пока комбата на пенсию не выгнали. После него новый командир совсем другие порядки завел. И все насмарку пошло.

– За что его выгнали? – поинтересовался Иващенко. – Я с ним на одних учениях был. С одной стороны участвовали. Против спецназа ФСБ. Мне показался толковым офицером. Мы с ним в столовой за одним столом сидели. Разговаривали несколько раз. И за столом, и без стола.

– Официально его обвинили в жестоком обращении с солдатами, – объяснил полковник Селиверстов, который тоже, как оказалось, знал эту историю.

– Да, так и было, – согласился Лесничий. – Хотя солдаты написали тогда не рапорт, а простое письмо командованию в защиту комбата. После этого письма сняли с должности командиров роты и трех командиров взводов. Их обвинили в том, что заставили солдат написать

и подписать письмо. Я сам с солдатами не разговаривал, но в нашем батальоне говорили, что он своих загонял почти до нервного истощения. Хотя батальон отлично себя показал на Северном Кавказе. Подготовка была в несколько раз выше, чем у боевиков. Но я слышал, что Юрий Юльевич умер через полгода после того, как его насильно на пенсию отправили. Он солдат не жалел, и себя, говорят, не жалел тоже. А когда стало нечего делать, организм не сумел перестроиться на пенсионный режим жизни. И остановилось сердце. Лег спать и не проснулся. Впрочем, о его смерти я никого не расспрашивал, слышал только разговоры старших офицеров, которые сами на пенсию собираются. И с этой точки зрения обсуждали смерть Шилохвостова.

Генерал слушал все эти высказывания не перебивая. И только тогда, когда все замолчали, простуженно кашлянул в кулак и продолжил:

– История со смертью подполковника Шилохвостова – с этим еще предстоит разобраться. ФСБ желало произвести эксгумацию тела, чтобы провести генетическую экспертизу, но оказалось, что Юрия Юльевича кремировали. Якобы по его собственному завещанию...

– Этого быть не может! – возмутился Иващенко. – Подполковник был верующим христианином. Правда, не православным, а кем-то там еще...

– Говорили, что он баптист, – подсказал Селиверстов.

– Нет разницы, – сказал Иващенко. – Я сам видел, как он молился. А христианин никогда не пожелает себе кремации...

– Вот я и говорю, что с этим еще разбираются, – спокойно сказал генерал, словно кто-то с ним спорил и он своими словами желал прекратить спор. – Тем более что сейчас мы точно знаем, что Юрий Юльевич Шилохвостов в звании полковника украинской армии командует спецотрядом «Тень».

– Как так? – снова проявил Иващенко свой характер. – Не поверю, чтобы он против России пошел. Не такой он человек!

– Это уже конкретный факт... – Генерал вытащил из своей папки крупную фотографию и показал окружающим. – Он?

Худощавый, но широкоплечий человек ростом чуть ниже среднего, скуластый, со впалыми щеками, со спокойным взглядом холодных серых глаз, одетый в камуфлированный армейский мундир с полковничьими погонами, стоял среди молодых парней в черных мундирах, но не имеющих на погонах звездочек. И только эмблемы на рукавах что-то изображали, но ни одну эмблему на фотографии рассмотреть было невозможно.

– Он, – категорично сказал Иващенко.

– Он, – согласился и Лесничий.

И только полковник Селиверстов долго вертел фотографию в руках, словно снимок мог позволить ему рассмотреть Шилохвостова с разных ракурсов, и ограничился обтекаемым словом:

– Похож...

– ФСБ пыталась найти его жену и сына. Соседи говорили, что они приезжали на похороны, хотя Юрий Юльевич с женой развелся еще за два года до ухода на пенсию. Узнали, что – да, действительно приезжали. И после похорон тоже приезжали, чтобы через полгода, как полагают, оформить наследство. Кроме квартиры и старенькой машины, им ничего не досталось. Продали и квартиру, и машину и снова уехали. Риелторская фирма, через которую квартиру продавали, существование прекратила. Следов нет. Но в нотариальной конторе остались документы. Там же и завещание покойного сохранилось. И в ГИБДД, где продажа автомобиля фиксировалась, осталась копия счет-справки. Так вот, по всем документам, жена подполковника Шилохвостова и его сын Василий проживают на Украине. Только вот одно непонятно. В данных нотариуса Василий прописан в Днепропетровске, а в данных ГИБДД – в Чернигове. По данным нотариуса, он не Василий Юрьевич, а Василько Юрьевич, по данным ГИБДД –

просто Василий, хотя, казалось бы, там ошибаться не должны. И номера паспортов разные. С этим сейчас тоже разбираются. Хотя я не уверен, что в России этот вопрос можно разрешить. Да и не такой он для нас важный, когда предстоит решить более важные.

– Сколько человек служит в «Тени»? – перевел Селиверстов разговор в другую плоскость.

– Около тридцати. Чуть больше. По одним данным – тридцать два, по другим – тридцать четыре. Но у них есть потери. Четыре человека задержаны в России. Это, собственно, основной отряд «Тени». Есть у них и большой отряд, состоящий из целой сотни бойцов. Но это, грубо говоря, второй эшелон. Те парни, что должны работать в тылах ополчения и в ближайших к границе районах на территории России. Это в случае официального ввода российских войск. Так называемые украинские партизаны. Тени от «Тени»... С посредственной подготовкой...

– Силы не слишком велики, – отметил Лесничий, сразу сравнивая основной отряд «теней» с «матрасной» ЧВК, примерно такой же количественно, но более организованной и несравненно лучше оснащенной. – А откуда данные? Данные подробные. Тем более с фотографией.

– У нас хорошие связи в противостоящей режиму украинской хунты группе украинских хакеров. Им данные передает какой-то человек, которого они не знают, но считают настоящим патриотом Украины и России. Говорят, что молодой еще парень, тридцати нет. Мы пытались на него выйти, чтобы работать напрямую. Он ловушку почувствовал и избежал ее. Но все же радует факт, что и на Украине есть нормальные здравомыслящие люди.

– Значит, твердого подтверждения правдивости данных не имеется?

– Не имелось бы, мы бы их не представляли. У нас все данные обязательно многократно проверяются через различные источники. У меня, короче говоря, вопрос к вам такой... В состоянии ли Юрий Юльевич Шилохвостов подготовить из тридцати человек сильное подразделение?

– Без сомнений! – категорично сказал Лесничий.

– Он в состоянии даже из «матрасных» инструкторов сделать хороших бойцов, – добавил Иващенко. – А это трудно. Переделывать всегда труднее, чем делать.

Полковник в этот раз промолчал. А генерал сунул руку во внутренний карман своей куртки, и там что-то тихо щелкнуло. Лесничий подумал, что он выключил диктофон...

Глава вторая

После отъезда генерала Трофимова Иващенко выглядел удрученным и задумчивым и даже о поездке в баню ни разу не вспомнил. Да и полковник Селиверстов, постоянно находясь рядом с Лесничим и Иващенко, кажется, так и не позвонил сторожу, чтобы тот дом и баню протопил. Более того, о бане не вспомнив, Селиверстов позвонил на трубку Ринату, водителю микроавтобуса, и потребовал готовиться к поездке. Это значило, что микроавтобусу следовало встать у крыльца корпуса.

– Сначала в ГРУ, потом домой. С собаками гулять пора... – ответил полковник, видимо, на вопрос Рината, и добавил, скорее для Лесничего, с его собаками хорошо знакомого: – Вот так вот каждый день – от одних «волкодавов» к другим спешу. Утром и вечером. Домашней троице я точно очень нужен. Надеюсь, и «волкодавам» группы тоже пригожусь...

Полковник дождался, когда Лесничий с Иващенко уйдут в свою комнату, закрыл дверь на ключ и направился к лестнице. О бане никто опять не вспомнил. Сергей Ильич напомнить Селиверстову постеснялся. А Иващенко так углубился в свои думы, что, кажется, про парилку с дубовым веником совсем забыл. И даже перестал демонстративно чесаться. Похоже, блохи его имели чисто умозрительный, или, как говорят врачи, психосоматический, характер. Так, с мыслями о другом, вероятно, можно было прожить даже с иностранными блохами.

Комната, где жили два бывших старших лейтенанта, находилась в том же крыле, где и комната полковника, но, в отличие от своего начальника, Лесничий с Иващенко в этой комнате жили. Конечно, полковник имел в своей комнате не только письменный стол и сейф, но и кровать, однако ночевать на базе оставался только дважды, да и то когда приезжал туда вместе с собаками, которых оставить дома не мог. Жена с ними просто не справлялась. Хотя, как сам полковник рассказывал, могла выгуливать псов по одному, но при своих болезнях от таких прогулок сильно уставала. Ноги пожилому женщину подводили. А сразу три такие крупные собаки могли просто утащить ее куда хотели.

Иващенко в комнате сразу лег на свою кровать, оставив ноги на полу, и забросил руки за затылок. Стал вдумчиво, как в мудрую книгу, смотреть в потолок. Лесничий собрался было пойти в душ, но напарник и заместитель остановил его вопросом, на который требовалось все же ответить:

– Так, может, расскажешь мне все же, что там у вас в бригаде с Юрием Юльевичем произошло? Из информации СВР я пока ничего не понял.

Сергей Ильич намотал полотенце на кулак, стукнул импровизированной перчаткой в ладонь второй руки и ответил:

– А мне, думаешь, в подробностях докладывали? О слухах я уже рассказал.

– Но разговоры-то, наверное, разные были? Были и те, что не для генеральских ушей...

– Шилохвостов командовал другим батальоном...

– А ты с офицерами того батальона не знаком. Или почему-то мне сказать не хочешь...

Лесничий пожал плечами и сел на свою кровать.

– Могу и сказать, что слышал. Хотя сам этого точно не буду утверждать, поскольку не знаю почти ничего. А уж ты понимай сам как хочешь...

– Договорились. Я понятливый. Слушаю, командир.

– К нам в каждый батальон назначили заместителей командира по работе с верующими.

– Священников то есть. Это не только к вам. Это по всей армии прошло, еще когда я взводом командовал. «Комиссары в пыльных рясах»... И хорошо вам – только в каждый батальон. Кому-то даже в роты досталось.

– Да. Вот со своим помощником у Шилохвостова постоянно возникали конфликты. На почве вероисповедания, как я слышал.

– А что конфликтовать. У нас же большинство комбатов вообще – атеисты. Они служить еще при коммунистической власти начинали. Сами через одного партийными были.

– Православному священнику легче ужиться с атеистом, чем с баптистом.

– Два скорпиона в одной банке...

– Вот-вот. Там ситуация складывалась так... Комбат при солдатах задавал порой священнику вопросы, а тот ответить вразумительно не мог. Юрий Юльевич не для солдат спектакли устраивал, как потом его обвинили. Он просто вступал в религиозные споры. А получалось, комбат подрывал у солдат Веру. Проверки из каких-то инстанций пожаловали. Одна за другой. В результате приписали Шилохвостову и жестокое обращение с солдатами, и еще что-то. И финансовые нарушения нашли. И трофейное оружие у батальона, по сути дела, не сдавалось, как положено, и даже вообще не пряталось, как в других батальонах. А чем все закончилось, ты знаешь. В других батальонах нашей бригады, в том числе и у нас, проводились с офицерами беседы о том, что православие, хотя и не является государственной религией в России, все же является основой русского патриотизма и государственности. Офицерам предписывалось поддерживать священников, а не противостоять им. И даже какие-то законы, помню, назывались.

– А разве баптисты не пацифисты?

– Меня спрашиваешь? Я лично понятия не имею. Слышал где-то разговор, что баптисты воевали и в Первую, и во Вторую мировую войны, и среди них много награжденных героев, и даже есть Герои Советского Союза. А что тебя так баптисты заинтересовали?

– Не в целом. Только один из них. Шилохвостов.

– Мысли есть? – прочитав что-то в глазах своего заместителя, Лесничий отложил свое полотенце в сторону.

– Есть. И интересные. Только мне не слишком хочется персонально против Юрия Юльевича работать. Я его как человека сильно уважал и уважаю до сих пор. А его участие в каких-то действиях против России могу рассматривать только как недоразумение, непонимание ситуации, не более. Он патриотом был. Яростным патриотом. Не таким показушным, как наши казачки, но более убежденным и сильным.

– Выкладывай. Если интересно, почему бы не попробовать...

* * *

Проработкой операции, прорасчетом всех возможных и невозможных вариантов, моделированием ситуаций занимались, как обычно, в оперативном отделе диверсионного управления ГРУ. Причем две группы по отдельности разрабатывали действия «волкодавов» и действия Иващенко, идею которого, высказанную им после встречи с генералом Трофимовым, в ГРУ одобрили, посчитав перспективной, хотя и слегка рискованной.

Особое место в разработке «легенды» Иващенко было отдано интернет-изданиям и телевизионным новостям. Срочно был организован мощный выброс нескольких интервью, нескольких якобы «оперативных сводок» из полиции и ФСИН⁸. Причем делалось все задним числом. Поэтому, чтобы не вовлекать в дело журналистов, использовали хакеров. И уже через пару дней после осуществления первых мероприятий этого плана Иващенко заглянул вечером в комнату, в которой жили Суматоха и Величко. Бывшие лейтенанты играли в шахматы, но Иващенко их партию без стеснения прервал, считая свои дела более важными, чем игра.

– Я по твою душу, Егор Петрович...

Суматоха встал и услышал вздох своего противника по партии. Величко был близок к выигрышу, что вообще-то редкостью не было, тем не менее прерывать игру он не хотел.

Иващенко ситуацию понял, изрек почти приказным тоном:

⁸ ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний.

– Объявляется официальная ничья, товарищи офицеры. Если кто-то против, я могу объявить «китайскую ничью»⁹...

– Не надо, мы потом доиграем, – попросил Суматоха. – Что от меня надо?

– Ты со своего ноутбука отсюда в Интернет выходишь?

– Только через USB-модем. Скорость маленькая. Лучше снизу, из класса. Я оттуда сегодня уже работал по просьбе полковника. Собирал данные на одного подполковника из нашей системы.

– На Шилохвостова?

– Ты в курсе? Да. На него.

– Много нашел?

– На него самого не нашел ничего. Но вот нашел его сына в «Фейсбуке». Там фраза интересная прозвучала: «Вчера мне папа рассказал...» Вчера рассказал. Кто? Умерший папа? Значит, есть зацепка. И подозрения не беспочвенны.

– Значит, можно из класса работать?

– Почему бы нет?

– Идем?

– Идем...

– Желаете попросить подсказку у знакомого гроссмейстера? – высказал предположение Величко. – Не поможет... В таком положении гроссмейстеры сдаются...

– Не у всех гроссмейстеров есть русский характер, потому и сдаются. Пойдем, – повернувшись к Суматохе, еще раз позвал Иващенко.

– Я готов.

– Это надолго? – поинтересовался Величко.

– До выяснения... – дал Иващенко исчерпывающий ответ.

Бывшие старший лейтенант и лейтенант спустились на первый этаж. Ключ от компьютерного класса торчал, как обычно, в замке, поскольку на охраняемую территорию базы проникнуть постороннему было практически невозможно. Перед первой командировкой пара украинских военных разведчиков пыталась это сделать. Попытка закончилась для них плачевно. И в такой ситуации прятать ключи смысла просто не было.

Суматоха, зная местную технику уже достаточно хорошо, сел за самый быстрый, расположенный в углу компьютер и сразу запустил загрузку.

– Что нужно сделать, Виктор Юрьевич?

– Все, что можно найти, следует найти...

– На кого?

– На меня...

– Думаешь, что ты очень популярная личность, чтобы о тебе было много написано?

– Надеюсь. Не зря же целый коллектив старался!

Суматоха, будучи еще не в курсе разрабатываемых оперативных мероприятий, взглянул на заместителя командира группы с удивлением.

– За какой период?

– Все, что можно, вообще. Все, что «укропы» найти смогут... И даже их хакеры. Я слышал, у них в штабах официально ввели такую офицерскую должность.

Суматоха запустил программу поиска. К его удивлению, Интернет выдал ему целый многостраничный список. Смотреть стали по дате публикации. Первая касалась суда над старшим лейтенантом спецназа ГРУ Виктором Юрьевичем Иващенко. Ничего нового эта публикация

⁹ «Китайская ничья» (в шахматах) – термин шестидесятых-семидесятых годов прошлого века; ситуация, когда проигрывающий противник просто переворачивает доску вместе с фигурами, чтобы невозможно было дальше продолжать игру. Возможность завершить партию «китайской ничьей» существовала только в том случае, если во время игры не велась запись ходов.

не несла, поскольку сама по себе была действительной и старой, пусть и с подновленными хаке-рами ГРУ датами. Другого вмешательства хакеров в материал не было. Никто статью не дополнял уже давно, и необходимости в этом не было. И даже текст не правили, потому что он оперативный отдел диверсионного управления ГРУ устраивал. Оставили без изменений даже орфографию и пунктуацию, хотя они откровенно грешили. После этого о старшем лейтенанте Иващенко на какое-то время, ограниченное сроками следствия и суда, полностью забыли.

И вот уже следующий открытый файл касался побега. Раньше этого файла в Интернете не было, как знал сам бывший старший лейтенант, поскольку вместе с офицерами оперативного отдела проверял подготовленные тексты. При этом раздувать большую историю из-за побега не стали. Все было предельно корректно подано, без излишеств, без ненужных подробностей и красот, поскольку бывший старший лейтенант спецназа – не та фигура, о которой весь Интернет должен шуметь. Это не какой-то серийный маньяк сбежал, чтобы все женщины России сидели в страхе на печках и ждали его прихода, спрятав топор под юбку. Факт побега отмечался только в некоем провинциальном интернет-издании в разделе «Криминальная хроника». Там коротко сообщалось, что из лазарета колонии строгого режима в окрестностях областного центра бежал особо опасный преступник, бывший старший лейтенант спецназа ГРУ. У него возник конфликт с охранниками зоны, которые хотели отобрать у заключенного компьютерную игрушку «PlayStation Vita», на которой тот мог играть сутки напролет. Но Иващенко не успел завершить игру и от этого рассвирепел. Преступник тяжело ранил двух охранников, побоялся, видимо, ответственности, и потому, похоже, решил бежать. Захватил табельное оружие охранников, устроил в лазарете пожар и в возникшей суматохе скрылся. Сообщалось, что ведется розыск. В качестве особых примет сообщалось, что беглец обладает ростом в сто девяносто пять сантиметров. И еще было отмечено предупреждение об особой опасности беглеца при задержании. Он прекрасно владеет приемами рукопашного боя, кроме того, вооружен двумя пистолетами с запасными обоймами. И, что самое главное, стреляет из пистолетов с обеих рук очень точно и быстро, с дистанции до пятидесяти метров. Влет с любой руки от пояса сбивает первой пулей летящую ворону. Об этом интернет-изданию по телефону сообщил бывший командир бывшего старшего лейтенанта Иващенко. Полное интервью с командиром беглеца интернет-издание обещало опубликовать в ближайшие дни, но, видимо, что-то сорвалось, и это интервью найти в следующих номерах интернет-газеты не удалось. Что неудивительно, поскольку журналисты никогда не были людьми обязательными. В действительности просто не удалось срочно найти вышедшего в отставку и уехавшего куда-то на Крайний Север бывшего комбата Иващенко, чтобы он был в курсе того, что дал такое интервью. Решили за лучшее вообще его не публиковать, хотя текст интервью уже был написан.

Но самого бывшего старшего лейтенанта волновали, кажется, другие проблемы.

– Обокрали меня... – обиделся Иващенко. – Целый сантиметр роста украли...

– Зато теперь уж точно не опознают, – не поддержав желание Иващенко обидеться, по своему оценил ситуацию Суматоха.

– Это – да... Это – в большущий плюс... А вообще, если бы разница была в метр – совсем было бы милое, я думаю, дело. Я бы согласился. Смотрим дальше...

А дальше, после открытия следующего интернет-материала, у бывшего лейтенанта Суматохи глаза на лоб полезли, и он увидел все совершенно в новом свете, чем об этом говорилось ранее. Теперь это была уже откровенная криминальная хроника. Оказывается, чтобы раздобыть себе гражданскую одежду взамен тюремной робы и больничного теплого халата, Иващенко потребовалось убить каким-то тяжелым металлическим предметом, возможно, обрезком водопроводной трубы, найденным неподалеку от места преступления, молодого баскетболиста, идущего на тренировку. Этого Суматоха от заместителя командира никак не ожидал. Он-то считал Виктора Юрьевича почти законопослушным членом общества, хотя и с

некоторым оттенком уголовного прошлого. Но найдите сейчас хорошего человека без этого! О чем Суматоха тут же и сказал бывшему старшему лейтенанту. Улыбнувшись друг другу, стали читать дальше. А дальше дело было еще хуже. Иващенко каким-то образом добрался до областного центра, хотя все дороги были перекрыты постами ОМОНа, проверявшими весь транспорт, включая пассажирские автобусы. Там, в городе, Иващенко, чтобы обеспечить себе средства для пропитания и не умереть с голоду в цветущем возрасте, напал на инкассаторов, застрелил двоих и похитил почти два с половиной миллиона рублей. Третий инкассатор был при нападении сбит инкассаторской машиной, за руль которой Иващенко сразу и без сомнения сел. В результате инкассатор получил тяжелую черепно-мозговую травму и множественные переломы ребер и конечностей. К счастью, травмы оказались совместимыми с жизнью.

Эти сведения были написаны с юмором и с издевкой над полицией и спецназом ФСИН, задействованным в поиске. Чувствовалось, что у автора к полицейским большущая, мягко сказать, неприязнь. Этот текст писал сам Иващенко, чтобы он отличался от других текстов и никто не подумал, что они написаны одним человеком. Причем и в этом тексте были сохранены обычные для всех современных журналистов орфографические ошибки. Виктор Юрьевич, как человек грамотный, после написания текста умышленно выставлял эти ошибки, чтобы никто не засомневался в профессионализме пишущего журналиста.

Следующий материал в Интернете оказался простым и скучным интервью ответственного сотрудника управления ФСИН, который повторил такому же скучному, как он сам, журналисту все уже перечисленные подвиги Виктора Юрьевича Иващенко и добавил еще кое-что. В частности, что Иващенко с краденными деньгами посетил магазин одежды, где открыто и долго выбирал что-то себе по росту. Это было сложно, тем не менее он набрал одежды достаточно для нескольких человек, в том числе и аналог армейского камуфляжа с берцами. Продавщица в магазине одежды опознала беглеца по фотографии. Вечером того же дня в одном из небольших городов области нашли брошенной инкассаторскую машину. Как Иващенко умудрился выехать за пределы заблокированного полицией города, оставалось загадкой. Тем более что выехал он на угнанной инкассаторской машине. Примерно в течение одного часа в городе было угнано еще два автомобиля. Предположительно, один из угонов совершил Иващенко. Только на следующий день машина была обнаружена в Брянской области. У следствия сложилось мнение, что бывший старший лейтенант Иващенко спрятался у кого-то из знакомых в многолюдном Брянске.

На вопрос журналиста, как дальше будет идти поиск, ответственный сотрудник ФСИН сообщил, что полицией будут отработаны все стандартные методы, не желая уточнять, что конкретно будет сделано. Дальше «курсивом» было набрано: «Когда материал был уже готов к публикации». И мелким кеглем¹⁰ набрано дополнение. Полиция начала прослушивание телефонных звонков в доме, где жила жена Иващенко. Он позвонил ей, предположительно из Брянска, сообщил, что с ним все нормально, и обещал, что заберет семью к себе, как только благополучно устроится. И заканчивался материал фразой: «Поиск продолжается». И, конечно, была очередная приписка, которая должна была бы показать всезнание скучного журналиста. В приписке сообщалось, что, как редакции удалось выяснить, прослушивание домашнего телефона осуществлялось с помощью аппаратуры СОРМ-4¹¹, специально созданной для таких мероприятий.

¹⁰ Кегль – высота шрифта.

¹¹ СОРМ – сокращение от Система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий, аппаратура для прослушивания. Простой СОРМ использовался еще в КГБ, со временем появились более современные средства – СОРМ-2, СОРМ-3, СОРМ-4. Последний способен прослушивать не только стационарные телефонные линии, но и сотовые телефоны, а также переговоры через специальные интернет-программы для общения – мессенджеры.

– Так ты, Виктор Юрьевич, прямо оттуда звонил, из Новороссии, когда мы там были? – спросил Суматоха. – Там до Брянска по прямой недалеко было. Менты в географии слабы, запросто могли спутать.

Иващенко выглядел предельно счастливым. Казалось, он сам тупо верит всему написанному о нем. В том числе и тому, что сам писал...

– Ага. Прямо оттуда. Когда у нас сотовой связи не было, каждый день звонил. Удивляюсь, как менты могли меня услышать?

– Дело тонкое... – шепотом, как что-то тайное, сообщил Суматоха. – Современная техника через трубку твои мысли читает. Ты разве о такой технике не слышал?

– Как же, каждый день с такой сталкиваюсь...

* * *

Полковник Селиверстов приехал рано утром, больше чем на час раньше своего обычного появления. Обычно Селиверстов сначала отправлялся в ГРУ, чтобы там получить какие-то новости о сроках выполнения задания или данные, имеющие к будущему заданию отношение. Иногда полковник и в СВР ездил, где тоже готовили для «волкодавов» сведения. Самое странное в ситуации было то, что группа уже начала непосредственную подготовку к новой операции, а руководство все еще не решило, какое же подразделение будет противостоять украинской «Тени» и насколько широки будут полномочия бойцов этого подразделения. Более того, вопрос ставился даже так, что противостоять «Тени» следует только в том случае, если она желает работать на территории России. Хотя она уже предпринимала такие попытки. Но тогда требовалось бы работать не «волкодавам», а следственным органам и спецназу ФСБ. Либеральные умы, которые уже даже в верхние эшелоны армии и спецслужб забрались, не понимали, что такое *естественные* превентивные действия, и считали их правовыми только тогда, когда они применялись западными странами. Приводя в пример западную, существующую в их умах демократию, сторонники либерализма не видели возможности превентивных ударов на территории противника. При этом легко забывали, что вся современная украинская кутерьма, по большому счету, является именно превентивным ударом США по России. А когда СВР предоставило сведения о возможных провокациях, которые с подачи спецслужб США готовились на украинской территории этими самыми «теньями» непосредственно против России, как когда-то готовилась к такой же провокации «матрасная» ЧВК, на голоса либералов перестали обращать внимание. А провокации готовились серьезные. Когда несколько депутатов Верховной рады Украины откровенно поддержали атаку террористов в Грозном, глава Чечни пообещал призвать этих депутатов к ответу за свои слова. Руководство «Тени» сразу ухватило за такую возможность бросить обвинения в сторону России, поскольку Чечня является российской республикой, и начало готовить убийство этих депутатов с тем, чтобы свалить все на российские спецслужбы. Публикация данных СВР российской стороной слегка притормозила процесс подготовки. Но, вероятно, не остановила его совсем. И потому полковник Селиверстов обоснованно надеялся, что выбор подразделения все же падет на ЧВК «Волкодав». И продолжал подготовку.

Приехав рано утром, с собой Селиверстов привез бородатого человека в темных солнцезащитных очках, смотрящихся слегка неуместно и нездорово в зимнее время года, хотя снег пусть и выпадал, но уже основательно растаял и сохранился только среди самых густых кустов, куда не проникало солнце. Обычно в это время года носят солнцезащитные очки только тогда, когда хотят спрятать синяки под глазами. Человек был скуластый, то ли сильно загорелый, то ли просто обладал основательно обветренным, грубым лицом. Ростом он был высок и казался сильным. Примерно прикинув возраст гостя, Сергей Ильич Лесничий подумал было, что в качестве специалиста по вооружению этот человек быть представленным группе

не может. Скорее всего, полковник хочет предложить кого-то в пополнение «волкодавам». Значит, к этому человеку стоит присмотреться внимательнее.

Однако Селиверстов снимать с занятий по взрывному делу всю группу не стал, как было бы при представлении, но вызвал к себе на второй этаж только Лесничего и Иващенко. Причем вызвал не в перерыв между занятиями, а сразу по приезде. Это могло говорить о какой-то срочности. Два бывших старших лейтенанта сразу поднялись к командиру. Гость уже был там. И встал, чтобы поприветствовать вошедших «волкодавов».

– Познакомьтесь, – сказал полковник. – Это Устин. Это не имя. Это позывной. Он только вот недавно выписался из госпиталя, отправляется домой в Нижний Новгород, мы его по пути перехватили. Устин кое-что нам расскажет. Что может оказаться полезным и тебе, – кивнул полковник Иващенко, – и тебе, – теперь последовал кивок в сторону Лесничего.

– Если позывной, я так понимаю, что Устин прибыл или с Северного Кавказа, или из Новороссии... – констатировал Иващенко. – Поскольку на кавказские курорты мы пока ехать не планируем и тамошние дела нас волнуют постольку-поскольку, я подозреваю, что он из Новороссии. Может, даже общие знакомые у нас имеются? Я иногда удивляюсь, насколько мир тесен...

– Едва ли, – за Устина ответил Селиверстов. – Он в другой стороне был. Как раз там, куда вы теперь наведаться собираетесь. Впрочем, там вся территория такая, что бегом по периметру обежать можно, и задохнуться не успеешь. И не смотрите на меня как на болтуна. Устин – человек надежный, проверенный. При нем можно говорить. И он нам сам кое-что расскажет.

Лесничий с Иващенко и без того как на болтуна на полковника не смотрели. Просто Селиверстов сам себя так подстраховал. И Устина подбодрил своим доверием.

– А имя у Устина есть? – спросил Лесничий. – Мы сейчас не в Новороссии. Здесь можно без позывных обходиться.

– Есть. Алексеем меня родители назвали, – с достоинством ответил Устин.

Вопрос об имени не прозвучал вызовом. Это просто стало односторонним знакомством. Сами «волкодавы», поскольку полковник их не представил, своих имен называть не стали.

Селиверстов выдвинул ящик стола и достал фотографию, привезенную недавно генералом Трофимовым, где полковник украинской армии Шилохвостов стоял среди своих подчиненных из спецотряда «Тень».

– Я так и не пойму украинских порядков, – заметил полковник. – У нас армия и МВД – это разные вещи. И армейский полковник не может командовать спецназом, скажем, внутренних войск. Разве что если какой-то отряд придадут ему во временное подчинение на период проведения конкретной операции. Просто на усиление. А у «укропов» все как-то иначе...

– Они сами не могут понять, кто и кому у них подчиняется. И потому часто получается, что никто никому не подчиняется. Ориентируются только на собственные меркантильные интересы, – объяснил Устин. – Про так называемые отряды самообороны, или батальоны самообороны, как их сейчас зовут, вообще говорить не хочется. Их в отдельных областях создают местные власти. Только дома свои они не обороняют, а едут в Новороссию и там «куролесят», кто во что горазд. И домой срываются, когда надоест или когда есть захочется. Просто оставляют дыры во фронте, чем мы всегда удачно пользуемся.

– Мы, однако, приехали не для того, чтобы об этом говорить, – напомнил Георгий Игоревич. И передал фотографию в руки Устину. – Покажи, которые...

Устин посмотрел внимательно и трижды ткнул пальцем в фотографию. Подумал и уже не ткнул, а просто закрыл пальцем одно лицо.

– Кажется, еще и вот этот, однако я категорично утверждать не буду. Но первые трое – точно. Здесь ошибки быть не может.

– А теперь рассказывай...

Устин вздохнул. Из-за темных очков трудно было сказать, поморщился он или сощурился, и после этого стал говорить, вставляя слова произносятся¹²:

– Я снайпером служил. По своей армейской профессии. В Первую чеченскую тоже снайпером был. Солдатом-срочником. Во Вторую чеченскую уже солдатом-контрактником. На Донбассе просто добровольцем. Не наемником, повторяю. Добровольцем.

– Для нас это не имеет значения, – мягко сказал Селиверстов, забирая из рук Устина фотографию и убирая ее снова в ящик стола. – Рассказывай дальше. Если торопишься, можно коротко. Остальное я своим людям сам объясню.

– Хорошо, я буду коротко. Наша группа была на боевом выходе в районе села Уткино. Нас было девять человек. Там попали в засаду. Нас начали просто уничтожать. Сразу. Рядом со мной что-то разорвалось, меня подбросило – это я еще помню, а в себя пришел, когда с меня берцы стаскивали. Из всех нас девятерых только двое в живых осталось. Напарник мой был ранен, я – контужен. Попали мы в лапы «нацгвардии», а это, как мы знали, один из худших вариантов. Самое худшее, скажу я вам, что можно себе пожелать! Еще есть «Правый сектор», но разницы между ними и «нациками» никакой. Их всех следовало при рождении в унитаз выбрасывать. Но это мои эмоции. Уже после плена. А тогда... Оттащили они нас к себе в расположение. Там держали двое суток. Избивали постоянно. Один устанет, другой на смену приходит. Конвейерный метод. Били до тех пор, пока сознание не потеряешь. Но простое битие – это еще ничего. Хуже, когда окурки о наши уши тушили, когда нос зажимали палками подпаливали, когда просто резали. Не убивали ножами, а просто так, ради баловства, с удовольствием в глазах, и даже с улыбочками, делали разрезы кожи. Знали, что там, в грязи, ничто не заживет, а только воспалится. Вечером связали нам по отдельности руки и ноги и повесили на забор. И водой поливали. Еще лето было, конечно. Но ночи все равно холодные. Утром с забора сняли, снова били весь день. Места живого не оставалось, и боль уже притупилась. Не чувствовалась. На вторую ночь – снова на забор, и снова водой обливали. Висеть приходилось вниз головой, кровь к лицу приливает. К утру глаза ничего не видят, не открываются. До сих пор глаза плохо видят. Множественные кровоизлияния. Приходится в очках ходить. – Устин остановился и сглотнул слюну. Рассказ давался ему нелегко. Он при каждом слове заново все пережитое проживал и снова чувствовал боль. Тем не менее рассказ продолжил. – Но утром нас отправили в штаб АТО, в Северодонецк. Устали, наверное, битие. Я видел, у одного рука замотана тряпкой. Руку себе повредил. Но битие не умеют. Не научили их. Отправили, значит, в штаб... Там пару часов продержали. Руки себе берегли, только пинали. Потом приехали парни с эмблемами «Правого сектора» и увезли нас в Краматорск. Сначала к себе на базу. Позавидовали «нацикам», тоже руки зачесались. Опять нас избивали. Только нам уже все равно было. Боль уже почти не чувствовалась, потому что все тело было сплошной болью. Нас просто медленно и со вкусом убивали... С наслаждением, с чувством собственного обосранного превосходства... Нас так же жгли, лично об меня три лопаты сломали, дробили кувалдой пальцы на ногах, молотками разбивали колени. На ночь подвешивали за поднятые руки в яме. Так подвешивали, что раздробленными пальцами ног только едва-едва земли касаешься. Висеть на руках невозможно, на ноги встать тоже невозможно. И ни разу за все это время нас не покормили. Пить, естественно, тоже не давали. Спасало лишь то, когда меня на заборе поливали. Тогда пил, что в рот нечаянно затекало. В «Правом секторе» и этого не перепало. Это вообще звери, а не люди...

Лесничий с Иващенко слушали молча, не перебивали и вопросов не задавали. Только и у того, и у другого бегали за скулами, ближе к ушам, желваки.

– Продолжай, – непривычно мягко для «волкодавов» прозвучал приказ полковника.

¹² Использован действительный рассказ жителя Нижнего Новгорода Алексея Стенина (позывной – Устин).

– Три дня в «Правом секторе» издевались. Потом только, когда сами тешиться устали, отправили в СБУ¹³ в город Изюм. Там хоть слегка от побоев отошли. Редко били. Вообще, парни попались почти гуманисты, чтоб им всем сдохнуть!.. Один нас даже тайком от коллег сигаретами снабжал и хлебом. Там вообще-то, похоже, тоже люди изредка, но попадаются, хотя большинство... Понятно про большинство... Почти не били, значит... Но у СБУ свои методы. Приходили ночью. Прямо над головой в стену стреляли. Заставляли всякие глупые бумаги писать и подписывать. То что я предатель Родины, то письмо к президенту России, чтобы он не вводил войска, то прощальное письмо родителям. Якобы перед тем, как повесят...

Мы почти все время просидели в камере, днем и ночью пристегнутые наручниками к специальным кронштейнам в бетонном полу. Гулять нас не выводили. Кормили один раз в день «бомжатниками», разведенными холодной водой из-под крана. И на том, конечно, спасибо, что не били. Но иногда и здесь тоже покормить забывали. Лиц своих не показывали. Даже следователь к нам приходил в маске «ночь». Там такие маски «балаклавами» зовут. Имели мы полную возможность загреметь на пятнадцать лет, но в сентябре нас обменяли. Когда обмен был, я на их пленных посмотрел – хари трескаются. Отъелись, будто их специально на сало откармливали...

Алексей замолчал и опустил голову.

– Больше не поедешь туда? – спросил Лесничий.

– Не люблю с долгами жить. Тянет это... – мрачно ответил Алексей. – Как здоровье подправлю, снова поеду. Главное, зрение восстановить. Я же снайпер. Семьи у меня нет, детей нет. Старики-родители против, но с ними договарюсь. Туда многие возвращаются. Кто хлебнул сполна... Кто за развлечением ехал, себя показать, покрасоваться, те навсегда уехали. Остались только настоящие. Меня душа к ним зовет.

– Воевать любишь?

– Нет. Разве такие люди вообще бывают?

– Есть. Встречаются, – утвердительно сказал Селиверстов.

– Я просто несправедливость не люблю. – Голос Алексея стал твердым и жестким. Он высказывал то, что на душе наболело. То, о чем, наверное, уже много раз думал. – И фашистов под любым гарниром ненавижу. Если меня на улице грабить будут, я не смогу человека убить, даже если он грабитель. Хоть хохол, хоть чеченец... Он все равно человек. А когда стреляю в фашиста, я чувствую только отдачу винтовки в плечо, и все...

¹³ СБУ – Служба безопасности Украины.

Глава третья

Полковник подписал Алексею пропуск, объяснил, что водитель предупрежден и отвезет сразу к поезду. Сам Селиверстов провожать гостя не пошел. А когда Устин вышел, полковник снова фотографию вытащил и показал Иващенко три лица.

– Запомни. Два первых – садисты из «Правого сектора». Третий – из «нацгвардии». Четвертый тоже предположительно из «нацгвардии», но это требует уточнения. Садисты – военные преступники. Они подлежат уничтожению. Лучше, если по суду, но, в худшем случае, разрешается уничтожить их и без этого. Теперь они стали «теньями». Но у нас есть подозрения, что почти все «тени» из состава «нацгвардии» или «Правого сектора». Значит, они все подлежат суду и уничтожению. Обрати на всех внимание, но в первую очередь на этих четверых. Кстати, у «теней» снова, так сказать, боевые потери. Еще пару человек в России перехватили. Пытались по фальшивым документам снять деньги в российском банке. Первого прямо в банке и повязали – прибор определил подделку, он второго сразу же и сдал. При всей своей ненависти к русским себя он любит больше, чем нас ненавидит. Потому и сдал... Тот, напарник, на квартире оставался. Когда поехали брать, попытался отстреливаться, пришлось снайперам ему обе руки через окно прострелить. Сейчас в лазарете в СИЗО. Но мы время терять не будем, а то на нашу группу ни одной «тени» так не останется. Будем работать. Сегодня день напряженный. Много нового для вас откроется.

Полковник снял трубку и набрал номер:

– Селиверстов. Он у меня. Приносите...

Трубку положил и посмотрел на Иващенко, показав взглядом, про кого он говорил по телефону. Виктор Юрьевич даже плечи расправил, показывая свою готовность воспринять все то новое, чем полковник так основательно пригрозил.

Пяти минут не прошло, как вошел человек в синем халате. Как поняли «волкодавы», сотрудник лаборатории из соседнего корпуса. «Волкодавы», в силу специфики своей службы, старались предельно ограничить круг своего общения. И с сотрудниками лаборатории тоже не общались. Хотя с несколькими все же здоровались.

– Спасибо, Александр Андреевич. – Селиверстов принял из рук вошедшего довольно небольшую коробку. – Здесь все?

– Да. Все на начальном уровне. Инструкция внутри. Расширенная. Двойная то есть. Первая – официальная, от производителя, в переводе продавца. Вторая – наша. Вторую следует изучить основательно и с собой на операцию, естественно, не брать. Перед отъездом ее необходимо будет сдать нам в секретную часть. Эта инструкция в руках противника – вариант провала и тяжелая улика против нас.

– Сколько времени даете на изучение?

– До завтрашнего утра. Сутки. Завтра будем подключать к полному комплекту.

– Завтра утром я вам позвоню.

Александр Андреевич вышел, как зашел, не попрощавшись, как не здоровался и словно бы не заметив, что в комнате кроме полковника присутствуют и двое «волкодавов». Он вообще был словно бы в свои мысли углубленным и боялся что-то ценное забыть, и потому отвлекаться не желал совершенно.

Бывший старший лейтенант Иващенко даже сидя умудрялся пользоваться своим высоким ростом и сумел сверху посмотреть на коробку, которую Селиверстов положил на стол.

– Я так понимаю, что это и есть та самая игра, из-за которой я вынужден был бежать из тюремного лазарета? Я правильно прочитал на коробке – «PlayStation Vita»...

– Ты понимаешь правильно, – согласился Георгий Игоревич. – Принимай груз, осваивай, играй хоть весь день и всю ночь напролет, но к утру должен знать технику в совершенстве. Вообще понятие о таких штуках имеешь, товарищ игроман?

– Ни разу в руках не держал. Но освоить надеюсь.

– В крайнем случае Суматоха разберется, – подсказал Лесничий, с насмешкой посматривая на Иващенко. – Обратись, он подскажет.

– Чему, командир, радуешься? – Иващенко не казался себе смешным.

– Я тоже на такой играть не пытался, – объяснил Сергей Ильич. – Но у меня сын в такую играет. А ему только восемь лет. Может, не ту игру мы выбрали?

– Я консультировался, – сообщил Селиверстов. – Многие взрослые играют. Начнут играть, у них уже даже родные дети отобрать не могут. Это такая зараза, что... Эпидемией грозит, если солидную рекламу обеспечить... Как семечки. Мне, помнится, один командир роты жаловался: если семечки в роте появились, рота уже не бое-способна. А здесь, я слышал, практика более чреватая последствиями. Конкурировать с этими штуками могут только компьютерные игры, но там компьютер нужен. И для условий зоны не подходит. В нашу легенду не вписывается. А так – в самый раз. Виктор Юрьевич у нас человек эксцентричный. Ему очень даже к лицу будет...

Иващенко широко заулыбался.

– С детства такой обалдуй...

Селиверстов на командира «волкодавов» посмотрел, желая узнать его мнение.

– Не изучал вопрос, товарищ полковник, не могу возразить, – признался Лесничий.

– Да и специалисты в нашей лаборатории выбрали именно эту штуку, как наиболее совместимую с другим оборудованием. Впрочем, сейчас обсуждать поздно. Игрушка «засветилась» в Интернете, и под нее разработано программное обеспечение и всякие дополнительные мелочи. Оборудование... Входящее и не входящее в комплект игрушки.

– А другое оборудование – это...

– Иващенко свою игрушку получил. Теперь, Сергей Ильич, тебе получать свою. Но для этого придется в лабораторию прогуляться. Даже в две лаборатории. Но во вторую мы только заглянем, чтобы спецтехнику получить.

– Когда?

– Пусть Иващенко инструкцию внимательно изучает. В своей комнате, конечно. А мы с тобой пойдем. Здесь нас никто с кастетом встречать не будет, надеюсь. Да и защитник у меня надежный.

– А, главное, пятидесяти тысяч баксов с собой не будет, – подытожил Лесничий¹⁴...

* * *

Дойти до соседнего корпуса, который хорошо просматривался из окна комнаты полковника, как и из окон других комнат, было делом несложным, несмотря на то что на улице пошел сильный снег, и дорожки базы только-только начали чистить солдаты караульного взвода. Снег, которого давно уже ждали, но который не торопился порадовать людей предновогодней мягкой погодой, повалил сразу обильный, крупный и влажно-тяжелый из-за отсутствия низкой температуры. Даже за окно было приятно посмотреть. Правда, снегопад обещал в самой Москве большие неприятности на дорогах, потому что по какому-то непонятному обстоятельству коммунальные службы всегда оказываются не готовыми к непогоде, когда бы она ни пожаловала. Если бы природа дала возможность коммунальщикам еще месяц готовиться к зиме, они все равно были бы не готовы. Если на подготовку дали бы еще три месяца, результат оказался бы

¹⁴ Намек на эпизод первой книги «ЧВК «Волкодав», где описывается нападение на полковника Селиверстова.

таким же. Это уже проверено временем и не подлежит сомнению. Но «волкодавов» погода в столице волновала мало.

Лаборатории располагались на первом этаже здания, каждая в отдельном крыле, и имели общий вход, который одновременно вел и к лестнице на второй этаж, где в одном крыле была казарма взвода охраны, а во втором узел связи, пока еще не полностью оборудованный и потому не функционирующий. Еще только-только приехали солдаты-связисты, хотя место для них в казарме взвода охраны было забронировано давно. И на крыше уже было установлено несколько сферических антенн, работающих через спутники ГРУ.

– Узел связи, товарищ полковник, когда откроют? – задал Лесничий естественный вопрос.

– Ждем, Сергей Ильич, ждем... Надеюсь, твоя группа в новой командировке будет непосредственно через этот узел работать. Это лучше, чем по старинке. Там же и мне кабинет оборудуют. Не на самом узле. Отдельный, сразу за входом. Штабное, так сказать, помещение. И все здесь у нас завязано крепкими узлами, все в один клубок замотано. Подготовка группы и узла связи, и еще сложившиеся обстоятельства в Новороссии. Ну и, самое последнее, хотя, может быть, самое важное, это решение руководства и полномочия, которыми вас наделят. Это многое определит. Хотя все предложения по полномочиям сходятся, насколько я знаю, в одном. Вы должны будете сами принимать решение на месте, исходя из обстоятельств. И лишь самые важные действия согласовывать со мной. Самые важные, это, как я сам понимаю, приказ на уничтожение «теней». Хотя это вопрос не до конца конкретно сформулированный. По идее, вы с этой целью и должны туда отбыть. Но пока командование что-то мнет. Мне это непонятно. Словно их кто-то сверху за руки придерживает. Но все, я думаю, утрясется. Когда все вместе будет готово, тогда и начнем работать по полной программе. Но мой кабинет будет готов раньше всего, как я думаю. Это, в том числе, и из-за моей неприхотливости. Я не министр обороны. Мне и нужно-то всего, чтобы стены были, в худшем случае, оштукатурены, пол настелен, письменный стол на полу, телефон, компьютер с подключением к Интернету и сейф за спиной. Не будет стула, я табуретку из дома привезу. Мне много не нужно. Может, еще коврик в углу для моих собак, хотя они, если помнишь, предпочитают спать на моем диване. Всякий раз удивляюсь. Каждая собака из трех больше меня размерами. Но мне одному на диване тесно, а они втроем помещаются. Все. Пришли...

На больших дверях лаборатории в правом крыле был сложный двухрядный кодовый замок. В каждом ряду необходимо было в определенной последовательности набрать по четыре цифры, после чего нажималась кнопка открытия и замок щелкал, приглашая войти. Полковник дверь открыл, но, уже после этого, нажал еще и кнопку простого электрического звонка, приглашая дежурного. И остановился сразу за порогом, потому что дежурный спешил по коридору из другого конца крыла, хотя его постоянное место было сразу за входной дверью. Но, видимо, отлучался по необходимости. Дежурный тоже не швейцаром работает, а какие-то обязанности выполняет и потому иногда вынужден отлучаться с поста.

– Слушаю, Георгий Игоревич, – дежурный протянул руку для рукопожатия и показал, что с Селиверстовым хорошо знаком. Впрочем, с Лесничим он знаком не был, но ему руку тоже протянул. И при этом поморщился, потому что Сергей Ильич привычно пожал руку крепко, как это делают все «волкодавы».

– Андрей Вячеславович мне нужен, – не самый высокий ростом полковник посмотрел вперед за плечо низкорослого дежурного.

– Пошел пропуск выписывать. Оборудование привезли.

– Хорошо. Мы в его кабинете посидим.

Дежурный посторонился, полковник с командиром боевой группы прошли к середине длинного коридора, и Селиверстов показал, что хорошо знаком с расположением кабинетов, сразу найдя нужный. Кабинет был небольшим, в нем стояло четыре письменных стола с обя-

зательными компьютерами на них, и, хотя все предпочитали, понятно, работать на компьютере, у стены зачем-то громоздился большущий кульман с растянутым на нем листом ватмана. Кульманом, видимо, все же пользовались. И на ватман был нанесен какой-то замысловатый и непонятный постороннему график. К приходу офицеров в кабинете находился только один немолодой человек в стандартном синем халате. Человек этот при виде полковника почти по-армейски встал, уронив на пол компьютерную мышь, покраснел, поднял ее и сразу сообщил:

– Андрей Вячеславович пошел пропуск выписывать...

– Я в курсе, – ответил полковник. – А остальные?

– С ним пошли. Груз принести требуется. У нас же нет штатных грузчиков. Сами все и таскаем. Хоть бы пару человек на обе лаборатории, товарищ полковник. Нельзя ставки выбить?

– Я распоряжусь, чтобы начальник караула выделял на погрузочно-разгрузочные работы солдат. Должности грузчиков у нас штатным расписанием не предусмотрены. Как везде в армии. Солдаты всегда считаются лучшими грузчиками. Традиция...

Не успели Селиверстов с Лесничим усесться, как за дверью кабинета послышались голоса и шум. Дверь открылась. Один человек поддерживал ее рукой, другой входил, спиной или чем-то пониже спины вперед, наклонившись и сильно пыхтя. Нес вместе с другим сотрудником внешне не самый тяжелый ящик. За ними еще один тащил на плече какую-то объемную, хотя, кажется, не тяжелую картонную коробку.

– Наш груз, Андрей Вячеславович? – спросил Селиверстов у того, кто дверь придерживал, не давая ей закрыться.

– Ваш, товарищ полковник. Сейчас собирать будем. Вовремя вы подросли, чтобы первое занятие провести. Я так понимаю, что с вами командир боевой группы?

– Он самый и есть. Познакомьтесь. Сергей Ильич Лесничий.

– Андрей Вячеславович, – протянул руку человек в синем халате, только-только освободив дверь, чтобы она сама, без всяких пружин и автодоводчиков закрылась за последним «грузчиком» лаборатории, уже устраивающим свою коробку на полу рядом с ближайшим столом. Главный ящик поставили там же.

Сергей Ильич вытащил из кармана слабо тонированные очки со встроенной в них экшен-камерой. Показал Андрею Вячеславовичу.

– Не возражаете, если я сделаю запись первого занятия? Чтобы потом вас не беспокоить своими мелкими вопросами. Просто посмотрю потом на компьютере и пойму.

– Экшен-камера? – спросил ученый.

– Она самая. В практическом обучении, на мой взгляд, в чем-то даже незаменимая вещь.

– Да у нас и запоминать особо ничего не нужно будет. Процесс сборки простейший, спутать ничего невозможно. Каждое крепление подходит только к своему гнезду. Впрочем, возражать я не собираюсь, хотя попросил бы наши лица, если можно, не снимать. Да и эта штука, – он ткнул ногой по большому ящику, – не есть детище нашей лаборатории. Мы только один отдельный прибор для него готовили. Которым вам предстоит пользоваться. Прибор совсем не секретный, я бы даже с большой натяжкой отнес его к оборудованию двойного назначения. Мало ли абсолютно гражданских проборов используется в военных целях. Сутки перечислять можно. От простого бинокля до спутника связи. Но мы спутники не делаем, хотя связь обеспечить можем. Причем связь любого уровня. Здесь уже есть собственная предустановленная система связи, – ящик удостоился нового не сильного пинка. – С этой связью вы тоже будете работать и будете по связи получать видеосигнал... Если я не ошибаюсь, там стоят три видеокамеры...

– Я еще вообще не в курсе, что это такое, – объяснил Лесничий. – Георгий Игоревич у нас человек немногословный. Сам ничего не рассказывает, считает, что нам расскажут, когда мы увидим. Наверное, это правильно. Зачем забивать голову лишней информацией.

– В двух словах могу сообщить, – Андрей Вячеславович коротко глянул в сторону полковника, – что перед нами один из первых отечественных роботов военного назначения. Боевой робот, так сказать, и не из фантастических фильмов. Официально называется «Мобильный информационно-разведывательный комплекс «Пластун». Продукт деятельности инженеров отечественного ОПК. Тоже умеем делать, когда захотим. Сейчас робот проходит испытания в войсках, причем испытания проводятся в мирной обстановке. Вам предстоит провести испытания в боевой, а потом написать отзыв. Вопросник для отзыва заложен в документацию. Вы все вместе сразу и получите. Вскрываете ящик, – дал Андрей Вячеславович команду своим помощникам.

Помощники дыхание перевести уже успели, хотя в профессиональные грузчики они, скорее всего, не прошли бы по конкурсу – после нетяжелой работы дышали как загнанные слоны, тяжело и шумно, и обсуждали между собой желание вый-ти покурить. Но их начальник, видимо, не курил и потому им не сочувствовал. Должно быть, курили научные сотрудники излишне много, оттого и дыхание себе испортили. Тем не менее сил на то, чтобы отстегнуть три стандартные пружинные застёжки от крышки ящика, им хватило.

Андрей Вячеславович взял в руки лежащий сверху пакет, вытащил содержимое, посмотрел, что-то себе оставил, что-то передал Сергею Ильичу.

– Это вам. У меня инструкция по комплектации и сборке. Соберем, я вам все отдам.

Лесничий включил на очках режим видеозаписи. В принципе, сборка достаточно миниатюрного, длиной слегка больше полуметра, напоминающего автомобильную модель робота была действительно делом не сложным. Потребовалось только поставить шесть колес. И хотя установка колес на робот-вездеход была существенно иной, чем установка колес на автомобиль, разобраться все же было не сложно. Командир боевой группы выключил запись, чтобы зря не тратить аккумулятор камеры и не забивать ее память малозначительными моментами. Гораздо больший интерес Лесничего вызвало содержимое картонной коробки. И Андрей Вячеславович уловил этот интерес, видимо, по взгляду Сергея Ильича. И сразу задал вопрос:

– Какие функции «Пластуна» вы хотите использовать? Помимо нашего оборудования, естественно. Свое оборудование мы установим сразу. А что вам понадобится? Простая видеокамера, видеокamera инфракрасная, тепловизионная, модуль канала связи, модуль резервного канала связи, GPS-навигатор, ГЛОНАСС-навигатор уже стоят стационарно. Наводчик на цель для высокоточного оружия устанавливается по необходимости в течение десяти секунд. Манипулятор для установки взрывных устройств тоже выставить не сложно, но им требуется управлять. Манипулятор, кстати, полностью отлажен, и вашему саперу обязательно потребуется пройти стажировку для работы с ним. Думаю, это можно будет сделать на базовом полигоне, чтобы мы смогли дать определенные подсказки. Но при исполнении функции сапера у «Пластуна» существенно ограничены функции. Он не в состоянии носить на себе большие и тяжелые взрывные устройства. Кроме того, с манипулятором невозможно обеспечить тонкость работы по установке детонаторов. Итак, какие функции вас интересуют больше всего?

– Если бы я знал, где нам предстоит работать... – вздохнул Лесничий. – В каких условиях, при каких обстоятельствах...

Андрей Вячеславович вопросительно посмотрел в сторону полковника. Тот пожал плечами.

– И я знаю не больше Сергея Ильича. Сейчас ведется активный поиск базы нашего противника. Я надеюсь, что какие-то данные смогут дать накануне задержанные боевики. Тогда и будем определяться.

– Но, по крайней мере, полноприводная тележка с формулой колес «б на б» вам всегда сгодится. Вездеход! Она одинаково хорошо бежит и по грязи, и по снегу, и по камням, и в жилых зданиях. Резина колес хоть и сильно рифленая, все же мягкая и бесшумная. Каждое колесо для повышения проходимости имеет собственную независимую подвеску с большим

подрессорным пространством. Для очень глубокого снега можно установить лыжу, дополнительные редукторы на колеса и резиновые рифленые гусеницы с мощным протектором. Остальное оборудование устанавливается сначала в специальный контейнер, а контейнер, в свою очередь, уже крепится к телу «Пластуна». Придется на месте соображать, что требуется ставить выше, что ниже, а что вообще не ставить. Здесь, кстати, есть возможность поставить даже оружие. К сожалению, только пистолет-пулемет «ОЦ-22». Он считается малогабаритным оружием со вполне достаточной останавливающей силой и достаточно легко, без всяких проблем, устанавливается здесь. Тоже в специальном контейнере. Ствол синхронизируется в движении со встроенной видеокамерой. То есть существует дистанционное управление. Если я не ошибаюсь, пистолет-пулемет ставится без складного приклада, а он здесь не нужен, длина что-то около двадцати пяти сантиметров. В комплект входит навинчивающийся глушитель, но он значительно удлиняет ствол, и, в какой-то мере, демаскирует «Пластуна». Кроме того, тяжелый глушитель нарушает общий баланс, и «Пластун» теряет в устойчивости на местности с труднопроходимым профилем. Не критически, но теряет. Есть возможность установить миниатюрную экшен-камеру в том же контейнере параллельно стволу. Но это уже будет, на мой взгляд, перегрузка оборудования. Лишняя трата заряда аккумулятора. Экшен-камера будет выполнять только дублирующие функции. А заряда всегда может не хватить на какой-то критический момент. Даже для реализации приказа на самоуничтожение может заряд потребоваться. Не говоря уже о самой передаче такого приказа. Сами решайте, когда что устанавливать. Но дистанционное управление для пистолета-пулемета привезут только завтра. Я думаю, его тоже можно будет опробовать на полигоне. Здесь же, в коробке, пульт управления и инструкция по управлению через ноутбук вместе с прилагаемыми драйверами¹⁵. К оборудованию дистанционного управления пистолетом-пулеметом драйверы тоже привезут завтра.

– В таком случае нам здесь сейчас делать нечего?

– Я не знаю, кто у вас будет устанавливать на «Пластун» станцию Wi-Fi. Она, в принципе, управления не требует. Следует только с первого раза корректно ввести пароль, и все. Каждый раз потом пароль вводить не потребуется. Я так понял, что станцию вы устанавливать будете в любом случае? Это основной вариант использования «Пластуна»?

– Да, – подтвердил полковник. – Это обязательно.

– Станцию мы установим, пароль введем сразу. Но необходимы и другие устройства, в которые требуется ввести пароль.

– Сейчас наш сотрудник как раз одно такое устройство изучает. Если можно, завтра мы с ним пойдем. Вы поможете. И его обучите. Завтра же я пришлю к вам нашего штатного компьютерщика, он зайдет со своим ноутбуком. Это наша сторона в двусторонней связи, которую «Пластун» обязан нам обеспечить. Потом мои люди – те же самые – и заберут работа.

Андрей Вячеславович согласно склонил голову. Это у него, видимо, означало кивок.

– Будем ждать. Ноутбук, наверное, будет использоваться в качестве сервера?

– Не знаю. Я в такие тонкости не лезу. Компьютерщик у нас человек грамотный, с ним и разберетесь. Он на все вопросы ответит и свои встречно задаст.

– Будем ждать...

* * *

Селиверстов с Лесничим, ненадолго посетив вторую лабораторию, где готовили нестандартные боеприпасы, познакомились с тем, что им предстояло взять с собой, и вернулись в комнату полковника.

¹⁵ Драйверы – небольшие программы, обеспечивающие корректную работу подключаемых к компьютеру устройств в определенной операционной системе самого компьютера.

– Величко на занятиях по саперному делу очень нужен? – прозвучал почему-то слегка напряженный вопрос.

– Думаю, может без этого обойтись. Сегодня разные виды «растяжек» разбираются. Он их и без того ставить умеет. И даже «картошку» хорошо «сажает»¹⁶. Немножко смешные занятия. Каждый из «волкодавов», грубо говоря, преподавал там, где преподаватель учился. У всех моих парней есть боевой опыт. Величко нужен?

– Нужен будет. Может быть, через час. Я позвоню сначала.

Полковник взялся за трубку телефона и набрал номер.

– Дмитрий Юрьевич? Добрый день. Селиверстов беспокоит. Да. Как раз по этому вопросу. Все согласовано. Снайпер опытный. Ну, знаете, наши люди себя не афишируют. Когда-то он считался лучшим снайпером спецназа ГРУ. По крайней мере, одним из лучших. Фамилия вам ничего не скажет. Бывший офицер. Хорошо. Когда приедет? Если сможет так быстро добраться. А... В Москве... Понятно... У вас Москву, наверное, занесло снегом. Но в любом случае я здесь. Пусть звонит с проходной. Какой номер машины? Я пропуск выпишу. Зовут его... Валериан Викторович Волошин. Нет, я никогда не записываю, не беспокойтесь. Я запоминаю, а потом просто вычеркиваю из памяти то, что вычеркнуть следует. Хорошо. Мы ждем его...

Полковник положил трубку.

– Человек с грузом приедет ориентировочно через час. Хотя я думаю, что, по погодным условиям, он и в два часа не уложится. Можешь пока сам пойти на занятия. Научи вместе со своими «волкодавами» преподавателя всему, что умеешь, но, желательно, не больше. «Растяжки» – дело тонкое. Мы в Афгане обучали местные силы, так потом столько неприятностей было. Местные предпочитали сами взорваться при установке, чем установить правильно. Ладно. Как Волошин приедет, я позвоню или спущусь за вами. Величко предупреди, что я вас заберу.

К удивлению Сергея Ильича, да и самого полковника Селиверстова, машина прибыла, как и было обещано, через час, хотя крыльев на ней замечено не было и дорожные пробки преодолевать по воздуху простой «уазик» обучен не был. Селиверстов заглянул в дверь класса, вежливо кивнул преподавателю, которого «волкодавы» обучали, и сделал знак Лесничему. Тот, в свою очередь, позвал Величко. Вышли и молча поднялись по лестнице на второй этаж до комнаты Селиверстова. Полковник ничего сразу объяснять не стал. В комнате уже находился средних лет круглолицый бородатый человек. На письменном столе полковника лежал узкий и длинный кейс, на который оба «волкодава» сразу обратили внимание, хорошо зная, что это такое.

– Все, Валериан Викторович, думаю, вы свободны. В документах на получение я расписался. С винтовкой, полагаю, наш снайпер сам разберется. Если только вы не желаете лично со снайпером поговорить...

Валериан Викторович усердно закивал головой.

– Желаю.

– Говорите. Вот он. Его зовут Емельян Герасимович, – полковник показал на Величко.

– Если он по кейсу сразу скажет, что здесь за винтовка, я буду спокоен, – ответил Валериан Викторович.

¹⁶ «Сажать картошку» (арм. жаргон) – с гранаты снимается чека, но прижимной рычаг остается в нижнем положении. В таком виде гранату устанавливают в ямку на тропе так, чтобы кто-то об нее споткнулся и высвободил. В этом случае происходит освобождение прижимного рычага и следует взрыв. Иногда «картошку сажают» среди камней, уложив гранату со снятой чекой под камень так, чтобы на камень кто-то обязательно наступил. Камень съедет в сторону, прижимной рычаг опять освобождается, и следует взрыв.

– Подозреваю, что это ORSIS T-5000, – с легкой улыбкой ответил Величко. – Недавно такой пользовался. Временно осталась в месте последней командировки. Намереваюсь к ней вернуться. Скучать начал...

– Каким калибром стреляли?

– Мне только один, конкретно, и предложили – восемь и шесть. Других не видел, не пользовался. Я с такой винтовкой вообще впервые в прошлой командировке встретился. Раньше даже не слышал ни про какой ORSIS. А какой еще калибр есть?

– Есть еще и под ствол семь, шестьдесят два. Но вернемся к той, которой вы пользовались. Хорошо стреляет? – поинтересовался Волошин.

– У нас в группе есть специалист по стрельбе из рогатки. Но я бы предпочел эту винтовку. По крайней мере, я в свою бытность, конкретно, стрелял из разных винтовок российского производства, чаще всего приходилось пользоваться «винторезом» и СВД¹⁷, но ORSIS, признаюсь, меня устроила больше других.

– Чем?

– Кучность хорошая. Винтовку после выстрела не бросает. Результат сразу виден. Эргономичность приятная. Руки держат удобно. И, конечно, дальнобойность. Прицел хороший. Не каждая винтовка на полтора километра так лупит...

– Вот об этом я и хотел сказать. Дальность обеспечивает не сама винтовка, и даже не прицел, а патрон, которым она стреляет. Можно в дальнобойную снайперскую винтовку поставить патрон, который будет стрелять не дальше сотни метров. Но большинство дальнобойных патронов имеют слишком большой калибр, и потому практически все они считаются винтовками, так сказать, антиматериальными. То есть предназначены для поражения материальных целей – легкой бронетехники, радаров противника, емкостей с горюче-смазочными материалами и тому подобного. И не используются, как правило, для уничтожения людей на пределах дальности. На более короткой дистанции можно и в людей стрелять. Но не на предельной. Я уже много раз встречал в Интернете и в разных бумажных журналах легенду о том канадском снайпере, что двумя выстрелами с дистанции больше двух километров уничтожил какого-то талиба. То ли пулеметчика, то ли полевого командира – в разных вариантах рассказывается по-разному. Однако я, как специалист, более того, как специалист, ту самую винтовку знающий, хорошо понимаю, что это просто басня, имеющая целью дать рекламу винтовке. Рынок КСВ¹⁸ переполнен. Вот производители и ухищряются кто во что горазд. Патроны, которыми эта винтовка стреляет, после дистанции тысяча шестьсот метров теряют скорость, и разлет составляет что-то в районе шести – восьми метров. О какой точности попадания можно тут говорить! Тем более о двух выстрелах! Я в данном случае представляю унитарное предприятие «ЦНИИточмаш». Я там заведу лабораторией. Мы разработали очень хороший и достаточно мощный девятимиллиметровый патрон. Но под него пока еще нет соответствующей винтовки. Это беда, конечно, не великая, так всегда бывает. Сначала создается патрон, потом под него делается винтовка. И вот частная фирма ORSIS, что знакомые вам винтовки разрабатывает и производит, согласилась попробовать и сделала несколько экземпляров винтовок персонально под наш патрон. Ствол стоит соответствующий, механизмы заменены на соответствующие калибру. В остальном все точно такое же, как у предшественника. Только патрон обладает большей убойной силой, и метров на сто увеличена дальность стрельбы. На полигоне и на стрельбище, в температурных камерах винтовка уже прошла испытания. Но хотелось бы и боевые испытания провести. Ваше командование выразило согласие...

– Извините, Валерин Викторович, – перебил специалиста полковник, – а откуда вы узнали, что нашей группе предстоит участие в боевых действиях?

¹⁷ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

¹⁸ КСВ – крупнокалиберная снайперская винтовка.

Волошин слегка смутился и ответил неуверенно:

– Насколько я слышал, из Генерального штаба, из управления вооружений, нас отправили в ГРУ, а там уже непосредственно вывели на вас. А что-то не так?

– Нет-нет, все в порядке. Просто нас еще не поставили окончательно в известность, что мы будем проводить конкретную операцию, хотя мы к ней готовимся. Но если к нам направили, значит, наверху есть информация о том, что вопрос решен. Вы нас, не скрою, просто обрадовали своим появлением. Продолжайте...

– А я, в принципе, уже закончил. Там, в кейсе, лежит опросник, на который снайперу предстоит ответить после операции. Можно будет в конце, в разделе «Особые отметки», что-то дополнительно написать. Собственные, так сказать, впечатления и замечания, которые в вопросах не были учтены. Можно будет это сделать?

– Не люблю бумажную волокиту, – сказал Величко несколько капризно.

– Это требуется для государственных испытаний.

– Ну, если только для государственных... Сделаю. Конкретно, обещаю...

Глава четвертая

Бывший старший лейтенант Иващенко на занятия по взрывному делу так и не вернулся. Лесничий даже слегка обеспокоился, потому что в Москве все интенсивнее шли разговоры о гриппе и было бы обидно понести такую потерю, еще не начав операцию. Тем более что вся операция в этот раз была завязана именно на личности Иващенко. Едва дождавшись окончания очередной академической пары часов, Лесничий поспешил на второй этаж. И, заглянув в свою комнату, Сергей Ильич застал Виктора Юрьевича лежащим на кровати с «PlayStation Vita» в руках. Инструкция к игрушке лежала рядом на тумбочке, но ее Иващенко, видимо, уже прочитал и теперь просто играл. И так увлекся новым для себя занятием, что на приход Лесничего даже внимания не обратил и даже никакого вопроса не задал. Игрушка не только что-то показывала на мониторе, но еще и издавала звуки. Впрочем, достаточно негромкие. Тем не менее можно было понять, что «волкодав» в своей жизни, видимо, еще не навоевался и продолжал воевать в какой-то компьютерной игре. Однако такое увлечение своего заместителя командир боевой группы «волкодавов» одобрить, естественно, не мог, поскольку оно шло во вред делам служебным.

– Не заболел, случаем? – спросил командир.

– Нет, – коротко ответил Иващенко, продолжая играть.

– Тогда какого хрена занятия пропускаешь?

Виктор Юрьевич сердито засопел носом, но промолчал. А игрушка в его больших руках продолжала издавать слабые звуки настоящего боя.

– Я тебя спрашиваю! – уже сердито спросил Лесничий.

– Не уподобляйся вертухаям из лазарета, – подвел итог Иващенко.

– Через двенадцать минут начинается очередная пара, будь любезен присутствовать, – сказал Сергей Ильич, резко развернулся и вышел из комнаты.

Иващенко из-за закрытой двери услышал, как командир сказал, видимо, самому себе:

– Натуральный дурдом...

И только после этого встал, не переставая играть. Но все же армейская дисциплина в бывшего старшего лейтенанта, наверное, вселилась прочно, если не навсегда, и воспитанное чувство ответственности взяло верх над собственными эмоциями, он вздохнул и перед дверью игрушку выключил. Закрыв дверь на ключ и двинулся к лестнице.

Командир группы «волкодавов», в принципе, и не сомневался, что Иващенко придет на занятия. Виктор Юрьевич пришел, и даже пришел раньше времени, но по дороге где-то перехватил бывшего лейтенанта Суматоху, и все оставшееся время перерыва они вдвоем просидели за дальним столом, разбирая что-то в расширенной инструкции. Наверное, с инструкцией от продавца, рассчитанной, в основном, на детский ум, Иващенко уже успел познакомиться. Та инструкция, как помнил Лесничий, была в виде книжечки. Инструкция о встроенных функциях игрушки была простой принтерной распечаткой, скрепленной степлером. Над ней и сидели Иващенко с Суматохой. Однако когда вошел преподаватель, Иващенко инструкцию убрал к себе в карман и пересел за стол к Лесничему.

– Извини, Сергей Ильич. Я просто в роль вживаюсь. Актер из меня никудышный, приходится прочно входить в мной же придуманные привычки. Работа такая...

– Вживайся, но об остальном не забывай, – мягко ответил командир.

Вроде бы назревающий конфликт был исчерпан, так и не успев начаться...

* * *

Как командир группы, Лесничий считал, что он обязан вникать во все дела своих подчиненных. Естественно, когда речь шла о служебных делах. Исключение составлял штатный сапер «волкодав» бывший лейтенант Редкозуб. Еще перед первой командировкой Сергея Ильича предупредили о сложном и заковыристом творческом пути Редкозуба, считающегося непревзойденным специалистом по хитрым взрывным устройствам. Но в дела Редкозуба Лесничему посоветовали не соваться, если он хочет, чтобы сапер придумал и воплотил в жизнь что-то оригинальное и, естественно, действенное. Редкозуб не умеет рассказывать о том, что хочет сделать. Он только сам, внутри себя ощущает это. И любая попытка давления со стороны начальства внутренний творческий процесс нарушает, и тогда Редкозуб становится банальным изготовителем простейших взрывных устройств, и не более. Таким, какие в каждой роте спецназа ГРУ имеются. Поставив саперу задачу, Лесничий в дела Редкозуба не совался. И уже в первой командировке сапер показал, что он способен придумать, начав действовать издалека, в итоге получив весьма высокий результат. Лесничий в него поверил и решил даже не пытаться в дальнейшем соваться в деятельность Редкозуба, полностью положившись на него. Он просто знал, что сапер группы свою работу выполнит. Конечно, и остальные «волкодавы» свою часть работы выполняют всегда на «отлично». Иначе смысла не было бы вытаскивать их всех из-за колючей проволоки и собирать в одну ударную группу. Но все же знать, кто на что способен и кому что следует поручить, было необходимо. Именно из этих побуждений после окончания занятий, используя последние светлые часы дня, Лесничий пошел на стрельбище базы вместе с Величко. По совету снайпера командир захватил с собой и свой бинокль с прибором ночного видения. Вообще у Лесничего было два бинокля. Один с подключаемым прибором ночного видения, второй с подключаемым тепловизором. Но Величко знал, что говорил, когда выбрал первый бинокль. И Сергей Ильич сразу понял, для чего ему нужен именно такой. Тепловизор воспринимает только тепловые лучи, исходящие от любых объектов. В боевой обстановке в первую очередь рассматриваются тепловые излучения от объектов биологически-активных, то есть живых, и частично от тех, что при работе греются и тоже излучают тепло, как, например, компьютер или трубка мобильного телефона, пусть и спрятанная в карман или даже в плотный чехол, или даже обычные наручные электронные часы, имеющие аккумулятор. Правда, такое слабое тепло не каждый тепловизор уловить в состоянии. Точнее будет сказать, что редкий тепловизор это тепло определит. Но особо чуткие все же улавливают. Сергей Ильич читал про такие разработки французских ученых. Правда, пока еще не ставшие оружием и используемые только в научных центрах при проведении сложных и тонких опытов. Прибор ночного видения же работает по иному принципу. Даже по двум принципам. По первому – ему необходима хотя бы небольшая природная или искусственная подсветка, а потом электронно-оптический преобразователь покажет в прицеле, как на экране, то, что невооруженным глазом не видно. Согласно второму принципу, ПНВ имеет инфракрасную или даже лазерную светодиодную подсветку и сам освещает то, что не выделяет тепла. Мишень тепла не выделяет, следовательно, ее в тепловизор не видно. Будь мишень толстой и жесткой, горячая пуля застревала бы в ней и сама показывала бы, куда попала, как бывает при боевой работе снайпера, когда хорошо видно в прицел «горящую» рану. Тогда тепловизионный прицел наиболее удобен. Но на стрельбище базы ЧВК «Волкодав» мишени были простыми фанерными, которые пуля пробивает насквозь и уходит в песчаный заградительный вал. Более того, максимальная дистанция, с которой можно было бы испытывать винтовку на стрельбище, равнялась километру. С этой дистанции обычно испытывали пулемет или гранатомет для стрельбы навесом. То есть полностью показать, на что новый патрон способен, стрельбище в любом случае не позволяло, а делать специальное стрельбище

для одной винтовки было нерентабельно, хотя в будущем и можно было сделать какую-то вышку с позицией для стрелка. Тем более трудно определить результат стрельбы в темноте. Искусственное освещение мишеней еще не было подготовлено, хотя планировалось это сделать, и именно потому Величко предложил командиру взять и автомат с закрепленным на нем тактическим фонарем. В принципе, можно было бы автомат и не брать, решив обойтись только одним фонарем, но здесь сработала, видимо, привычка не пользоваться фонарями вручную. В боевой обстановке луч фонаря включается кратковременно, и сразу за этим следует выстрел. Светить, чтобы отыскивать цели, – это себя под обстрел подставлять. При этом сам Лесничий прекрасно понимал, что фонарь «держит» точку на дистанции чуть меньше трехсот метров, и как раз эта точка в состоянии осветить всю мишень. А это значило, что ему придется выходить за позицию стрелка, лучше всего сбоку, чтобы не слышать беспокоящий свист пули над головой, и подсвечивать мишень, чтобы Величко имел возможность проверить новую винтовку при ночной стрельбе. Учебные мишени, в отличие от противника, не имеют способности быть видимыми в тепловизионном прицеле, и подсвечивать их обязательно.

– Что сначала проверять будешь? – поинтересовался командир, когда снайпер занял самую дальнюю от мишени позицию, на бугре, где недавно для тренировочной стрельбы прямой наводкой был установлен АГС «Пламя»¹⁹, сейчас вместе со станиной вывезенный на склад. Гранатомету, конечно, километр – дистанция не предельная. Но кто сказал, что стрелять всегда приходится с предельной дистанции!

– Начну я, пожалуй, с кучности. С прежним стволом отдача, конкретно, была изначально иная. Валериан Викторович не все рассказал. Здесь, я вижу, поменялось много главного – на прикладе дополнительно установлен усиленный глушитель отдачи. Просто так его делать не будут. Значит, отдача предполагается усиленная. Оно и понятно, патрон намного мощнее. Но не это главное. Хочу посмотреть, как ствол будет отбрасывать. На самом стволе, посмотри, пламегаситель совершенно новый. На нем все не так, как на старом. Здесь что-то, я подозреваю, сделано, как на «Глоке»²⁰ с индексом «С». Знаешь такой?

– Знакомились. Там, если правильно помню, на затворе-кожухе стоит интегрированный компенсатор реактивного типа. Две дырки. И в самом стволе две дырки. При выстреле, когда затвор сдвигается, дырки совпадают, выходящие газы работают на полставки мини-реактивным двигателем-тормозом и не дают стволу вверх взлетать. Так? Я не ошибся?

– Точно так. А здесь, конкретно, проще сделали. Отверстия расположили на пламегасителе. И не просто вверху, а чуть левее, чтобы выброс стреляной гильзы толчка не давал. В дополнение к существующим отверстиям. Я так соображаю, это вообще что-то новое в оружейной технике. Хорошо, если работает так же, как на «Глоке»...

– Пробуй...

– Опробую, пока светло.

Пульт системы управления мишенями находился рядом, под куцей навесной крышей. Сергей Ильич привел в готовность мишени на километровой дистанции и включил автоматику. Три поясные мишени имели каждый раз разные, случайно выбираемые мини-компьютером промежутки между подъемами и поднимались то по одной, то парно, то все три сразу. Только по две-три секунды держались в поднятом состоянии, потом ложились.

– Приступай!

Лесничий поднял бинокль и поймал сразу все три мишени в момент одновременного подъема. Четыре выстрела раздалась очень быстро. По звуку такую стрельбу можно было принять за автоматическую. Тем не менее командир знал, что винтовка ORSIS стреляет только

¹⁹ АГС «Пламя» – АГС-17, 30-мм автоматический гранатомет на станке. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, расположенных вне укрытий, в открытых окопах (траншеях).

²⁰ «Глок» – семейство австрийских пистолетов.

одиночными выстрелами. Но Величко славился своей быстрой стрельбой и быстро освоил биатлонный способ передергивания затвора большим пальцем, хотя здесь затвор был тяжелее и несравненно более тугим, чем на биатлонных винтовках. Первые две пули поразили самую правую мишень. Биноколь показал, что пули легли чуть ли не в одну точку. По крайней мере, так близко, что проломили большую дыру в фанере, с двух сторон покрытой тонкой фольгой, и прорвали саму бумажную мишень, хотя обычно пули просто оставляют в ней дырки. Сказался, видимо, большой калибр пули. Обе дырки были в месте условного сердца. Двум другим мишеням досталось по пуле в условную голову. Если бы снайпер промахнулся, мишень бы опустилась. А попадание, замкнув пулей на сотую долю секунды фольгу на мишенях, отключало автоматический режим, и можно было спокойно рассмотреть, куда пуля угодила. Рассматривали одновременно и снайпер, и командир. Первый смотрел через мощную «оптику» винтовки, отключив за ненадобностью тепловизор, второй пользовался биноклем, так и не включив еще прибор ночного видения. Темнеть уже начинало, но темнота подступала не настолько быстро, чтобы ничего не увидеть без ночных приборов.

– Хорошо отстрелял, – дал оценку Лесничий. – Мне нравится твой темп. Я лично с таким темпом у снайперов не встречался. Впечатление такое, что ты не целишься.

– Винтовка, конкретно, хорошая. Патрон хороший. Отдача почти не чувствуется. Компенсатор на пламегасителе с задачей справляется. Стрелять можно долго, пока магазин не опорожнится. Только цели подставляй. Место попадания вижу сразу. Искать не требуется.

Величко предпочел оценивать не свои навыки снайпера, а предоставленное ему оружие.

– Что сейчас?

– Сейчас попробую по одной мишени магазин отстрелять. Что получится?

– Работай.

Сергей Ильич вернулся к пульта управления, сначала поднял к глазам бинокль, потом заставил подняться одну из двух оставшихся нетронутыми мишеней. Автоматику отключать не стал. Было просто интересно, сколько выстрелов успеет сделать такой скорострельный снайпер, как Величко, за две-три секунды. Впрочем, если он сразу попадет, то пуля замкнет слой фольги, и мишень не будет опускаться.

И бинокль показал, как все пять патронов магазина были отстреляны один за другим без промаха. Мишень не опустилась, а на ее поверхности отчетливо просматривался небольшой круг, очерченный пятью точками, – это были места попадания.

– Ну, что скажешь, командир?

Величко сам знал, как он отстрелял. Прицел прекрасно показал ему все, что требовалось увидеть. Но все же спросил мнение Лесничего.

– Я думаю, стреляй ты с большим магазином, ты проломил бы в мишени дыру²¹...

– Я надеялся сделать ее с пяти выстрелов, но взял, видимо, слишком большой круг.

– А можно было бы стрелять теснее?

– Без проблем... Я, конкретно, просто привычное упражнение выполнял. Правда, раньше делал это из других винтовок с другой дистанции. У того же «винтореза» пуля такого же калибра, но патрон намного слабее. И на трехстах метрах скорость уже теряет, и мишень проламывает. Эти пули просто пробивают мишень на тысяче метров. По моим ощущениям, на полутора тысячах они будут вести себя, как пуля «винтореза» на трехстах.

– А в первой стрельбе ты мишень проломил... – напомнил Лесничий.

– Там пули легли тесно. Мог бы и здесь, при желании, все пять пуль положить теснее. Просто не рассчитал. Не предвидел, что они так скорость сохраняют.

– Уговорил. Что теперь?

²¹ Винтовка ORSIS имеет два стандартных магазина – на 5 и на 10 патронов.

– Теперь чай попьем. Через десять минут стемнеет, буду опробовать стрельбу в темноте. Не думаю, что прицельность сохранится больше километра. Но испытать дистанцию нам негде. Пусть Волошин на своем полигоне испытывает. А нам дана будет возможность только в Новороссии.

– А глушитель сюда поставить нельзя? – кивнул командир на винтовку. Как опытный военный разведчик, Сергей Ильич всегда предпочитал скрытные действия, позволяющие нанести противнику урон, оставаясь невидимым и неслышимым. Видимо, поэтому в спецназе ГРУ нашли свое применение многие экзотические виды оружия. Например, тот же арбалет из средневекового оружия с помощью современных технологий превратился в мощное боевое оружие, с пятидесяти метров пробивающее бронезилет четвертого уровня защиты. Да тот же самый лук, уже около века считающийся оружием спортсменов или охотников, нашел собственную нишу. Или самодельные стрелки²², часто применяемые еще в Афганистане. По сути дела, это были стрелки от игры в дартс. Но сделаны были так, чтобы стали не игрушками, а опасным оружием. В том же Афганистане хорошо тренированные бойцы спецназа ГРУ с десяти метров ночью одним броском стрелки снимали часового, поразив того или в глаз, или в горло.

– Я скорость пули не знаю, но по ощущениям, по отдаче приклада, раза в три скорость звука превышает. Значит, даже тактический смысла ставить нет²³.

– Ну, и обойдемся. Жалко, чай с собой не захватили. Сейчас на воздухе хорошо бы с лимончиком... Как профилактику от простуды...

– Я, командир, таких ошибок, конкретно, с детства уже не допускаю, – улыбнулся Величко и вытащил из большого кармана небольшой термос из нержавеющей стали, свинтил пластмассовую крышку, налил туда чай и протянул командиру. – Снайпер стрелять не сможет, если у него пальцы замерзнут. Хоть небольшой термос, но я всегда в холод предпочитаю носить в кармане. Здесь всего кружка помещается. Но я согласен поделиться.

Из крышки термоса шел пар. Чай, в самом деле, был горячим и с лимоном. Лесничий сделал два глотка, хотел вернуть снайперу, чтобы пить «по кругу», но тот уже начал делать маленькие глотки из самого термоса.

Пока они расправлялись с чаем, почти совсем стемнело. Крышку от термоса Лесничему пришлось отдать и отправиться ближе к мишени, чтобы в темноте подсветить ее тактическим фонарем. Процедура эта была привычной и для командира, и для снайпера, хотя тоже требовала уточнений:

– Точкой освещать?

– Лучше рассеянным светом. «Лунным»²⁴.

– Тогда придется ближе подходить.

– От точечной подсветки толку мало. Все равно что на свету стрелять.

– Хорошо. С пультом управления сам справишься?

– А что там, конкретно, справляться... Одна мишень осталась непораженной. Я сразу ее и поставлю. Без автоматки.

²² Стрелка – оружие спецназа ГРУ, нашедшее себе применение во время Афганской войны. Подобие стрелок из игры в дартс, только более тяжелые и длинные. С помощью таких стрелок в Афганистане снимались часовые. Стрелку обычно метали в горло или в глаз часовому.

²³ Глушители на огнестрельном оружии обычно делятся на два класса. Первый называется ПСС (прибор бесшумной стрельбы), второй ПМС (прибор малошумной стрельбы). Второй вид глушителя иногда называют тактическим. Ставится он обычно на оружие, у которого начальная скорость полета пули превышает скорость звука. При этом сам звук выстрела не глушится совсем, но становится просто менее громким. На оружие, обладающее сильным патроном (чаще всего бронебойным), или на крупнокалиберную снайперскую винтовку ставить тактический глушитель смысла нет. В этом случае иногда создаются специальные патроны, которые за счет своего устройства уже после толчка, который дают пуле, отсекают, запирая в гильзе, пороховые газы. Оружие, стреляющее такими патронами, вообще не нуждается в глушителе.

²⁴ Обычно большинство армейских тактических фонарей бывают оснащены функцией «Лунный свет», когда дают подсветку, похожую на естественный лунный свет.

– Постарайся не оставить группу без командира. И над головой у меня не стреляй. Обычно мне это не нравится.

– Держись левее. У меня пули зигзагами не летают. Даже если учесть, что пули незнакомые.

– Рикошета не будет?

– Даже если и будет случайный. Но не на сотню же метров!

Лесничий ушел. Темнело скоропалительно, и уже на половине дистанции ему пришлось включить закрепленный на автомате тактический фонарь, чтобы освещать себе путь и не спотыкаться в темноте. Фонарь был включен на градацию рассеянного ближнего света, то есть на предельно слабую визуальную фиксацию издалека. И Величко, наблюдая за командиром, скоро потерял его из виду и находил только в те моменты, когда Сергей Ильич желал проверить, не сбился ли он с направления, переключал фонарь на мощный точечный луч, направленный вперед. Привычные с первой командировки коммуникаторы «Стрелец», обеспечивающие группу связью, «волкодавы» на стрельбище не взяли. Комплекты были на опломбированном складе, и ради часовых занятий вскрывать склад не хотелось. Более того, комплекты коммуникатора вот-вот могли забрать в лабораторию, чтобы возвести их в ранг полной системы. То есть довести до полной комплектации и создать высокий уровень функциональности. Это переводило коммуникатор из разряда средства связи внутри группы в полную разведывательно-ударную систему управления и связи²⁵. Возможно, в лаборатории уже закончили работу. Не получив инструкций, вмешиваться в процесс формирования системы или прерывать его ради короткого момента удобства на учебном стрельбище не стоило. И потому командиру, когда он вышел на нужную позицию, пришлось точечным лучом, как прожектором, нарисовать в небе крест, чтобы показать свою готовность. А потом, переключив фонарь на «лунный свет», найти им уже стоящую в готовности мишень, фонарь вместе с автоматом зафиксировать в направлении и поднять к глазам бинокль. И почти тут же раздались выстрелы снайпера. С такой дистанции они уже не казались излишне громкими. Более того, звук выстрела словно бы растягивался по горизонту, растекался, и трудно было определить точку, откуда стреляли. В этом случае даже боевой опыт Лесничего не мог помочь. Виной всему был профиль местности. Звук любит распространяться по ровному месту или по низинам и не любит преодолевать преграды, рикошета от них и меняя направление. Звук, по сути дела, – это такая же волна, как и в море. Стрельбище со стороны базы «волкодавов» словно валом было огорожено. С этого вала и велась учебная стрельба, в основном гранатометная. И звук предпочитал вдоль вала распространяться и не утруждать себя преодолением даже несложных препятствий. А за первым, самым высоким валом следовал следующий, чуть менее высокий, дальше – еще один и еще, и все постепенно понижались, пока не превращались в обычные низкопрофильные брустверы. И такая череда преград заставляла звук выстрела растекаться по сторонам, не приближаясь к мишеням. Да и вообще почти с километровой дистанции определить место, с которого производился выстрел, было сложно даже при абсолютно ровной поверхности, никак звук не глушащей. А такую поверхность можно было бы найти разве что на стадионе. Но даже футболь-

²⁵ В конце 2014 года на Чебаркульском полигоне в Челябинской области были проведены комплексные испытания новой разведывательно-ударной системы управления и связи «Стрелец». В ходе испытаний разведывательные подразделения передавали координаты обнаруженных целей летчикам фронтовой бомбардировочной авиации. После получения координат цели самолеты Су-24М нанесли бомбовый удар. В результате удара с воздуха все цели были поражены. Фотографии с указанием точных координат цели поступали со специальных наблюдательных постов, оснащенных системой «Стрелец», на командные наблюдательные пункты. Там с помощью АСУ (автоматизированных систем управления) принималось окончательное решение по огневому поражению целей. Максимальное время, которое успевало пройти с момента обнаружения цели и до ее уничтожения, составило около двух минут. Это дает повод говорить о высокой степени эффективности разведывательно-ударной системы «Стрелец». Благодаря проведенному эксперименту в единую систему сведены разведывательные и огневые средства, приданные командиру батальонной тактической группы, благодаря чему он может полностью самостоятельно вести бой на заданном направлении. Новый подход позволяет пересмотреть традиционные способы ведения общевойскового боя.

ное поле не тянется на километр. То есть применение дальнобойной винтовки можно было бы считать безопасным делом для снайпера. Это было главное, что хотел узнать командир боевой группы «волкодавов». В мастерстве же самого снайпера Сергей Ильич даже не сомневался...

Глава пятая

Следующий день, согласно расписанию боевой подготовки, был посвящен индивидуальным занятиям, и потому легче было без ущерба для общего дела «выщепить» кого-то по необходимости из учебного класса. Когда идет общая подготовка, преподаватель не будет для кого-то отдельно повторять пропущенную тему. А при индивидуальной подготовке необходимое легче наверстать, потому что там и планы все индивидуальные. Но, прерывая индивидуальные занятия одного «волкодава», полковник Селиверстов одновременно прерывал и индивидуальные занятия поочередно то командира боевой группы, то его заместителя. Иногда, правда, возникала необходимость отрывать и того, и другого. Так, например, случилось, когда полковнику по внутреннему телефону позвонил из лабораторного корпуса Андрей Вячеславович и сообщил, что привезли все необходимое для установки на робот, комплектующие и драйверы, в том числе и для дополнительного оборудования. И пригласил Селиверстова к себе вместе с людьми, которые и будут работать на дополнительном оборудовании. Естественно, они должны были бы принести с собой то, с чем им предстояло работать.

Полковник попросил перенести встречу на десять минут позже, чтобы попасть в перерыв между занятиями. Андрей Вячеславович согласился, но при этом предупредил, что перерыва в любом случае не хватит не только для первичного обучения, но даже для тестирования системы, связанной с «Пластуном». Пришлось Георгию Игоревичу договариваться с преподавателями, что их слушатели вернутся в класс, как только смогут освободиться. Преподаватели имели опыт в подобной работе, понимали, что процесс подготовки всегда почему-то идет не по утвержденному плану и всегда имеет свои особенности, которые планом предусмотреть просто невозможно, и не возражали. Кроме того, они сами прекрасно ощущали, что во многих вопросах, которые они «волкодавам» втолковывали, сами «волкодавы» были большими, чем они, практиками. А практика всегда имеет преимущество перед чистой теорией, поскольку теория без практики мало что может дать, а практика без теории все равно в боевой обстановке действительна. Можно сто раз объяснить человеку, как правильно и безопасно поставить «растяжку», и он все равно рискует подорваться при первой же установке. А можно просто один раз показать и дать в дальнейшем устанавливать самому, и это будет работать всегда безотказно.

В лабораторном корпусе, куда полковник Селиверстов привел Иващенко, Лесничего и Суматоху, их всех уже ждали. Специалисты в первую очередь занялись ставшей уже любимой игрушкой Иващенко. Разобрали корпус, скопировав предварительно установленную дистрибьютором пломбу. Пока в другом кабинете готовили свой аппарат для пломбирования, специалисты сменили старый довольно простой экран на сенсорный, который, кстати, не всегда был таковым, но становился сенсорным после определенного скрытого сложного способа включения, исключающего случайные действия постороннего лица. Это была вообще новинка, разработка лаборатории ГРУ, но, как и большинство подобных новинок, она не подлежала процессу патентования, поскольку использовалась для оперативных нужд.

«PlayStation Vita» имела, грубо говоря, официальный слот для дополнительной карты памяти, с помощью которой можно было загружать в базу новые игры, в том числе и сетевые, играть в которые возможно было через систему связи Wi-Fi. То есть приемо-передающее Wi-Fi устройство уже было установлено производителем, и это не должно было вызвать подозрения. После установки в память определенных, специально для этого написанных драйверов «PlayStation Vita» превращалась во вполне точный передатчик, в котором включалась сенсорная клавиатура, способная работать с обычным стилусом, который заменял не вызывающий никакого подозрения простой карандаш с ластиком на конце. Ластик и выполнял роль стилуса. Сам карандаш при этом Иващенко должен носить в специальных креплениях-петлях записной книжки. Книжку ему тоже тут же вручили. Карандаш был достаточно жестким

и остро отточенным. Такие карандаши в спецназе ГРУ всегда считались отличным и не привлекающим лишнего внимания оружием. Карандаш при умелом ударе способен не только войти противнику в глаз или пробить сонную артерию на горле, как его чаще всего и используют, но и воткнуться в тело сквозь матерчатую верхнюю одежду. Естественно, пробить шинель или бронежилет карандаш был не в состоянии, хотя при достаточно резком и сильном ударе бронежилеты скрытного ношения, относящиеся к категории «№ 1» и «№ 2», пробить удавалось, как и пуховый бушлат старшего офицерского состава. Солдатские бушлаты старого образца, где в качестве подкладки используется вата, удар карандаша выдерживали, оставляя на теле только синяк. Современные солдатские бушлаты и бушлаты младших офицеров, что с синтепоновой подкладкой, были не лучше пуховых и пробивались без проблем. Короче говоря, Иващенко получил первое спецоружие для новой командировки. Хотя это спецоружие и было простейшим и примитивным, оно от этого не переставало быть опасным. Но только в умелых руках. Неумелые руки даже с ножом или с пистолетом не справятся. Причем оружие было двойного назначения – являлось одновременно и техническим оборудованием разведчика. При потере карандаша его можно было заменить другим таким же. Ластик на конце вполне справлялся с обязанностями стилуса. Можно было бы вообще без стилуса обойтись, но монитор на «PlayStation Vita» был слишком мелким, и клавиатура занимала большую его часть. А сам бывший старший лейтенант Иващенко обладал такими пальцами, что был в состоянии одновременно нажимать на мелкой клавиатуре по пять-шесть знаков. Группа «волкодавов», которой и будут в итоге предназначены сообщения Виктора Юрьевича, имела в своем составе шифровальщика. Но шифровальщик не мог справиться дополнительно и с обязанностями дешифровальщика, с которыми, как правило, не справляются даже самые мощные в мире суперкомпьютеры. А текст при наборе пальцем Иващенко приходил бы такой, что его требовалось бы обязательно дешифровать. Кроме того, в «PlayStation Vita» установили датчики GPS и ГЛОНАСС, почти такие же, как датчики «Пластуна», и дающие точные координаты местонахождения, что было немаловажным делом. Хотя передача координат осуществлялась только тогда, когда работала система Wi-Fi, а если система работала, то Иващенко сам мог сообщить свое местонахождение. Но все же это было дополнительное удобство, которое при каких-то ситуациях могло сгодиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.